

Литературные и краеведческие источники

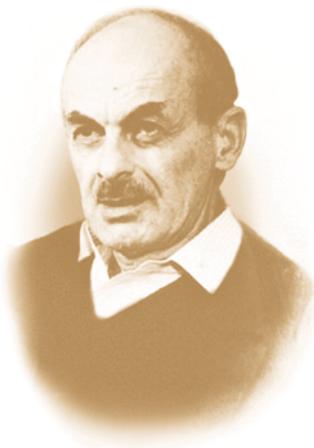
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА—
НАЧАЛА XXI ВЕКА

об Одессе первой половины XIX века

«ЧИТАЮ МЕМУАРЫ РАЗНЫХ ЛИЦ...»

Одесса первой половины XIX века
в литературных произведениях первой половины XX века

Б. Ш. Окуджава

1924–1997

Окуджава Булат Шалвович — поэт, переводчик, прозаик, кинодраматург. Автор многочисленных поэтических сборников. Неоднократно приезжал в Одессу.

Киносценарий «Частная жизнь Александра Сергеича» написан в соавторстве с женой Ольгой Владимировной Арцимович. Сценарий был написан в Одессе в 1963 г. (переработан в 1966 г.) по заказу Одесской киностудии художественных фильмов. Тогда же на киностудии сценарий был напечатан тиражом 30 экз. Однако кинофильм по нему поставлен не был.

Первая публикация студийного варианта сценария с комментариями — в сборнике «Дом князя Гагарина» (Одесса, 2001. Вып. 2).

**Б. ОКУДЖАВА,
О. АРЦИМОВИЧ**

Частная жизнь Александра Сергеевича
(киноповесть)

Спустились августовские сумерки. Громадное солнце проваливалось в море. Пустынный обрывистый берег казался вымершим. Узкая прибрежная полоса была похожа на дорогу. Слабые волны едва слышались, набегая на берег. И только явственно раздавалось чье-то бормотание, сопение, такое неожиданное в этом первозданном уголке.

У самой воды, прямо на фоне угасающего солнечного шара прыгал на одной ноге маленький обнаженный атлет. Вода никак не выходила из уха. Он прыгал и бормотал что-то неразборчивое, а может быть, напевал, а может быть, всхлипывал...

Потом он стремительно натянул панталоны, пританцовывая и бубня:

Воспитанный под барабаном...

потом рубаху с широким воротником, широкополую шляпу...

Наш царь лихим был капитаном...

Он, ловко изогнувшись, пустил камень по воде, схватил палку и побежал в гору.

А в это время над обрывом по дороге шла босая девица с вязанкой хвороста за спиной. Она услышала треск кустов дикой акации и увидела: сначала губастое лицо черта, потом он весь вылез из кустов и остановился, и поманил ее...

— Иди сюда, — тихо сказал он. — Ну иди же... Ага! — закричал он вслед. — Улю-лю!

Она припустилась еще быстрее, но у самого поворота дороги все-таки нашла в себе силы оглянуться: этот кудрявый размахивал палкой и кричал, и рожу корчил... Потом страшно захохотал.

Она скрылась за поворотом. А он пошел по дороге следом.

Шел и бубнил:

— Ну не дура ли?.. Такой вечер... Вот дура... Счастья своего не понимает!..

...И захохотало над головой Александра Сергеича, отдалось в земле... Он услышал грохот ног, с пригорка, где неподвижные силуэты экипажей застыли, словно нарисованные на предвечернем небе. И вот оттуда, где стояли эти экипажи и куда скрылась босая девчонка, стремительно спускалась блестящая кавалькада людей — к морю, к морю...

Впереди — граф Воронцов (его Александр Сергеич узнал мгновенно), стремительный и прекрасный, с подзорной трубой в руке, похожий на Петра Великого, закладывающего Петербург. За ним, на расстоянии локтя, полукругом — его приверженцы. Все молоды и горячи.

Он проходил по тропинке, которая вилась значительно ниже той, где стоял Александр Сергеич со своей палкой, в нелепой рубаше, маленький какой-то, и смотрел, как они спускались к морю...

Внезапно кавалькада остановилась. И Воронцов ткнул в берег длинной трубой, что-то проговорил, обращаясь ко всем, затем ладонью обвел горизонт.

Александр Сергеич не слышал их голосов, но его поразило, как величественно и стремительно они двигались, как почти одинаково повторяли за графом его жесты, как шли все в ногу и что все они были молоды и высоки, и широкоплечи...

Потом они двинулись дальше, все так же стремительно, а он побрел к городу, в гору... И все оглядывался, оглядывался.

Менуэт звучал чересчур торжественно.

Александр Сергеич возник на широкой парадной лестнице внезапно. Он снял пушинку с рукава и начал медленное восхождение. Ливрейный лакей высился перед ним, не шевелясь, громадный, как гренадер. Александр Сергеич проплыл мимо него, ступая в такт музыке.

...Сухое мужественное лицо графа Воронцова выглядело несколько усталым. Он говорил вполголоса, по-домашнему:

— ...Да, талант есть у него, конечно. Но если бы этот талант на пользу дела, а не для возбуждения молодых людей!.. Определенных молодых людей, вы понимаете?..

Александр Сергеич медленно поднимался по лестнице. Черный фрак на нем был безукоризнен. Небрежно повязанный галстук придавал костюму еще большую изысканность. Александр Сергеич шел, стараясь казаться выше и значительней. А голос Воронцова продолжал звучать:

— ...Эти молодые люди еще не нашли своей дороги, они еще не видят, в чем состоит их истинный долг, их горячие умы пока заняты стихами Александра Сергеича, а не делом... а не делом.

Пушкин медленно восходил по лестнице. В конце первого лестничного марша — снова лакей-исполин. Александр Сергеич голову задрал, чтобы увидеть его каменное лицо. Усмехнулся. Качнул головой. Пошел еще медленнее.

На лице у графа не было ни досады, ни горечи. Он был спокоен.

— ...Дело, — сказал он, — делать надо, а не болтать. — И улыбнулся. — А уж сделав... — И снова улыбка. — И тогда браво, господа сочинители...

Александр Сергеич остановился в дверях. И сразу же погрузился в музыку, в аромат духов, в шелест платья, в расслабленность... Он зажмурился на мгновение. Когда открыл глаза — перед ним возникла Амалия Ризнич, похожая на юную мадонну, вкусившую от прелестей мирских. Она двигалась в паре с Собаньским. Тот танцевал, не сводя с нее больших многоопытных глаз. Даже торжественность мемуэта не мешала ему широко улыбаться ей, показывая крупные белые зубы. Улыбка баловня и удачника.

А голос Воронцова звучал еще тише, с оттенком грусти:

— ...Пока дешевая слава дороже ему. Пока... Но я уверен... Да... Человек он не глупый, с воображением... Хорошей крови... Да... Не может быть... Не может быть...

Амалия мельком взглянула на Александра Сергеича. Он нахмурился демонстративно.

Граф стоял у колонны, окруженный своими помощниками. Они все были высоки и красивы, как на подбор.

Музыка стихла. Амалия проплыла мимо. Александр Сергеич поклонился ей. Вдруг сказал быстро, полупшепотом:

— Следующий танец мой...

— Следующий?.. Нет, нет, — она покачала головой, но улыбнулась, словно позволила надеяться.

Александр Сергеич медленно двинулся через зал, туда, где стоял Воронцов.

...Поклон поясной, поклон грудной, кивок, поклон с улыбкой, поклон отчужденный, и снова — кивок, кивок, кивок, кивок приятельский, кивок пренебрежительный, кивок равнодушный, поклон с подобострастием, поклон с достоинством...

— Пушкин, — сказал поручик Прилежаев восхищенно. — Я как узнал, что он в Одессе, у меня руки задрожали...

Александр Сергеич медленно удалялся.

— Какой он, а, Туманский?

— Ты же видел его, — засмеялся Туманский. — Поэт...

— Представь меня, Бога ради, Туманский, — сказал поручик. — Ведь уеду и опять словом с ним не перекинусь... Да ты скажи, каков он, а?..

— Поэт, — сказал Туманский уклончиво.

Александр Сергеич стоял в глубине зала.

Брунов поглядел через плечо.

— Не нравится мне все-таки этот Пушкин, — сказал жене.

— Зато комильфо, — она следила за каждым шагом Александра Сергеича. — И умеет, умеет... Петербург!.. — пропела она. Спohватилась: — Конечно, ему есть когда собой заниматься... Он ведь не служит так упоенно, как ты...

— О господи! — сказал он раздраженно. — На мне вся канцелярия держится. А он — кто?.. И вообще, на месте его сиятельства я бы его в остроге держал...

Грянула мазурка. Капельмейстерская лысина на хорах покачивалась. Александр Сергеич едва проскочил водоворот. Вокруг уже кружились, скакали в мазурке.

Группа вокруг Воронцова растаяла. Александр Сергеич поклонился графу. Граф ответил. Возле глаз сощурились добрые морщинки. «Красив, черт!» — подумал Александр Сергеич. Граф медленно удалялся под руку с Казначеевым.

Пушкин подошел к Александру Раевскому и Липранди.

— Ты не танцуешь? — спросил Раевского.

Раевский не ответил. Смотрел на Пушкина в упор с усмешкой. Александр Сергеич поморщился болезненно, сказал:

— Лучше ни о чем тебя не спрашивать, ей-богу... Все сразу становится жалким и ничтожным.

— А мы как раз и говорили с Раевским, как все ничтожно, — усмехнулся Липранди и посмотрел на Раевского. — Впрочем, мы упускаем весьма благоприятную возможность...

— А ты почему не танцуешь? — спросил Раевский.

Но Пушкин живо обернулся к Липранди:

— Какую возможность?..

— Пока лев дремлет, козы бегут к пруду... — сказал Липранди рассеянно.

Александр Сергеич посмотрел в зал. Амалия Ризнич отплясывала с Собаньским.

— Этот Собаньский был бы заурядным гусаром, если бы не был так богат, — услышал он за спиной голос Раевского. Но не повернулся. Черный локон бился о смуглую щеку Амалии. Она заметила его взгляд, кивнула ему и восторженно засмеялась Собаньскому. Вдруг глаза ее встретились с глазами графа. Она потупилась.

— Что-то мне все это стало надоедать, — сказал Раевский. — В Петербург уехать, что ли?.. Послушай, Александр, а что это Брунов так на тебя косится?.. Возьму и укачу... Завтра же...

У Александра Сергеича дрогнули губы.

— Счастливчик ты! — сказал искренно: — «Возьму и укачу!» — и шутовски гримасничая: — Кто б меня укатил, маленького, бедненького изгнанничка?.. Ба! Ане вступить ли мне в тайное общество?.. Не может быть, чтоб в Одессе не было тайного общества! — он говорил все это паясничая, но в глазах его, обращенных к Липранди, был вопрос.

— От разговоров о воде мельница не заработает, — сказал Липранди хмуро.

...Воронцов слушал Казначеева, слегка улыбаясь.

Медленно приблизился Марини. Он высок. На холеном лице — два больших наивных глаза. На губах едва заметная плутоватая улыбка. Постоял. Помолчал учтиво. Еще приблизился.

— Вот ведь у Павла Яковлевича орден Святой Анны! — сказал Воронцов Казначееву, и они оба повернулись к Марини. — Кто бы мог подумать... Блестящий кавалер.

Марини учтиво поклонился. Даже несколько более, чем следовало. Длинный палец его коснулся ленты орденской.

— И для Святого Владимира местечко осталось, — сказал он и легко провел ладонью по лацкану фрака, словно стряхнул пылинку. И сделал шаг почти вплотную к графу. Казначеев за его спиной возмущенно пожал плечами.

— О! — улыбнулся Воронцов и отошел, словно не понял намека.

— Граф милостиво принял вашу шутку, — не очень учтиво заметил Казначеев.

— Зачем же шутку? — обиделся Марини.

Амалия Ризнич продолжала кружиться с Собаньским. Александр Сергеич грыз ноготь на мизинце...

— Вот уж не думал, что Одесса нас сведет! — сказал Прилежаев Пушкину.

— А что за охота привела вас сюда из Киева, в эту пыль? — спросил Александр Сергеевич.

— Охота к перемене мест, — сказал Прилежаев, а сам так и разглядывал Пушкина.

— Ну уж рассказывайте, — засмеялся Пушкин. — Такие, как вы, просто так не ездят... — и погрозил пальцем.

— А у меня такой табак, такой табак! — словно заговорщик, пригнувшись, сказал Липранди. — До утра не перекурить... Не лучше ли ко мне?

— Пожалуй, — сказал Александр Сергеевич, — мне выговориться надо... И вообще, у меня такое чувство, будто завтра что-то произойдет... — Прилежаеву: — А что у вас в полку, ничего не слышно? Говорят: накалено все... Только пламя поднести...

— Да? — удивился Прилежаев.

— Будто вы не знаете!.. — сказал Пушкин.

— Вы слишком хорошего мнения обо мне, — уклончиво отозвался Прилежаев.

— Едемте ко мне, — настойчиво сказал Липранди. — Здесь не место для таких разговоров.

— Да, да, поедемте, — сказал Пушкин Прилежаеву. — Мне так хочется поговорить с вами... откровеннее...

— Батюшки, — усмехнулся Раевский. — Говорить?.. О чем?.. Кому какая конституция нужна? Или о польских повстанцах?.. Одесса просто помешалась на этих разговорах!

— Ну, можно поговорить о плечиках мадам Ризнич, — хмуро заметил Липранди.

— Плечики нужно обнимать, — сказал Раевский, смеясь.

— А вы знаете, — сказал Туманский, пытаясь смягчить разговор, — закрыли газету... Велено закрыть за неблагонадежность...

— Знаем, знаем, — сказал Липранди. — Поехали... Ну?

— А вот и еще повод взбеситься, — сказал Пушкин. — Куда бежать от этих нравов?! Единственная газета в этом просвещенном болоте, и ту...

— Далась вам эта газета, — сказал Раевский, зевнув, — какая разница?

— Скоро на театре повесят объявление, — зло сказал Пушкин. — Требуется, мол, мерзавец на роль порядочного человека.

Прилежаев засмеялся.

— А если не найдется?

— Тогда и театр повелят закрыть, как газету, — сказал Александр Сергеевич.

Он еще раз взглянул на Амалию, чертыхнулся про себя и пошел прочь.

Почти вбежал в маленькую залу и на мгновение замер: за роялем сидела Леночка Бларамберг и едва касалась пальцами клавиш. Оркестр из большой залы заглушал ее игру. Тогда Александр Сергеич плотно затворил двери.

Леночка играла Шопена.

Напряжение и досада схлынули с лица Александра Сергеича. Он подошел к ней, поклонился.

Она вспыхнула вся.

— Там скучно, — кивнул он на дверь. — Хотя шуму много...

— Вы у нас совсем бывать перестали, — сказала она, не поднимая головы. И вдруг посмотрела на него внимательно. — Вы огорчены чем-то?

— Что вы, — засмеялся он. — Я рад побывать с вами. Вы, Леночка, прелесть... Мне все недосуг было к вам заехать, а уж как я рвался — Бог свидетель...

— Вы же не верите в Бога...

— Я?! — обиделся он, но засмеялся, махнул рукой. — А помните, мы Байрона читали?..

Она кивнула.

— Вот кто моя жизнь! — воскликнул по-детски. — Вы одна это и умели понять... — поправился: — Умеете.

— А друзья ваши?.. — спросила она, еще сильнее покраснев.

— Друзья мои холодны, как римские патриции, — сказал он. — И надменны...

Он смотрел на нее с удивлением и радостью. Ее лицу так шла смущенность.

— Я непременно приеду к вам, — сказал он. — Ну просто всенепременно... Вы прелесть.

Голова ее склонилась еще ниже.

— Вы уже танцевали с госпожой Ризнич? — спросила она. — Она хороша, не правда ли?

Он махнул рукой, и выражение досады снова испортило его лицо...

...И так он смотрел на кружащуюся в танце Амалию. Потом взгляд его остановился на распахнутых дверях. Он увидел княгиню Вяземскую.

Вера Федоровна легко шла через зал, некрасивая и обворожительная.

Александр Сергеич просиял весь.

— Вот друг мой самый лучший!

И стремительно двинулся навстречу.

Он очень ловко поцеловал протянутую ему руку.

— Княгиня, вот, ей-богу, если бы вы не были женой моего лучшего друга...
Княгиня была чем-то встревожена.
Брунов сказал жене, не меня выражения лица:
— Нет, ты только погляди... Как будто у них сговор тайный. Он так кичится личными связями...
— Да что ты! — сказала она. — Все это тебе мерещится... Просто она ему покровительствует... Она душенька.
Александр Сергеич кивнул Вяземской на Амалию:
— Она не хочет со мной танцевать!.. Каково?
— Вы разгорячены балом, Александр, но я должна вылить на вас ушат холодной воды.
— Уж вы ей задайте, — капризно сказал Александр Сергеич.
Амалия проплыла мимо, кокетливо улыгнувшись.
— Я должна вас предостеречь, — сказала княгиня. — Тучи сгущаются над вашей бедной головушкой. Что вы за человек! Как вы умеете заставить всех себя ненавидеть...
— Что с вами, душа моя? — всплеснул руками Александр Сергеич.
— Ради Бога, Александр, сделайте что-нибудь... Ну хотя бы... Идемте завтра со мной к обедне...
— Молиться? — удивился Пушкин.
— Я слышала разговор...
— Вот если бы Бог помог мне в Петербург удрать... Впрочем, с вами — хоть к Богу, хоть к черту...
— Все ваши петербургские друзья умоляют вас не лезть на рожон, — сказала Вера Федоровна.
— Господи, да я же ничего такого не делаю!
— Понимаете, Александр, сейчас в городе, в этой сложной обстановке...
— Но ведь должен же я защищаться! — почти крикнул он.
— Вы можете повредить себе, — сказала она участливо. — Ваши друзья...
— Ну чего они от меня хотят, враги и друзья? Как сговорились!..
Она коснулась его руки ладонью, чтобы успокоить. Но он уже улыбался растерянно, с удивлением, как умел...
— Княгиня, голубушка, дайте мне еще раз в долг, а?..
Вдруг он увидел, как из двери в дверь прошествовал Воронцов с женой Елизаветой Ксаверьевной. Он сразу изменился в лице. Вспыхнул весь. Но лишь на мгновение. Однако княгиня успела это заметить. Запомнила.

...Листок бумаги порхал по рукам. Он напоминал птицу. Он попадал в руки, дрожал, бился и снова упархивал.

Воспитанный под барабаном...

Женские руки обращались с ним энергичней и вольней. Мужские торопливей, с дрожью, словно оглядывались настороженно.

Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал...

Лица выражали страх и досаду, и тайный смех, и гнев...

В двенадцатом году дрожал...

Александр Сергеич кружился с Амалией.

— Наконец и я дождался своего танца, — сказал он. — Я просто с ума сходил, пока вы с этим Собаньским... — и с обидой: — Вот уж не думал, что вы так тщеславны!

Амалия запрокидывала голову, смеялась, вглядывалась в него мельком: старалась увериться — вконец ли он повержен.

— У вас какое-то бешеное желание всем нравиться, — сказал он.

— А разве это плохо?

— Я хочу, чтобы это касалось одного только меня... (Она пожала плечами удовлетворенно.) Завтра вы будете у обедни? (Она прикрыла глаза.) Вы узнаете одну страшную тайну. (Брови ее взлетели.) Я не могу без вас... (Снисходительная улыбка.) Я вызову этого Собаньского на дуэль и пристрелю его!.. (Она рассмеялась загадочно.) Амалия, поедemте ночью к монастырю... Вдвоем?.. А?.. Я и вы...

— Александр Сергеич... — проговорила она расслабленно, почти касаясь щекой его щеки.

...Листок бумаги трепетал в руках Казначеева, Казначеев был огорчен.

Наш царь лихим был капитаном...

— Ах ты боже мой... Ну зачем он это?

Амалия стояла у колонны, слегка наклонившись к Пушкину. Он что-то говорил ей оживленно.

...Листок лежал на ладони у Липранди.

— Оплеуха! — позлорадствовал он.

— Он думает, что человечество, — сказал Раевский, — только и ждало этих строк, чтобы очиститься...

— Не исключено, — сказал Липранди, словно самому себе.

А Пушкин сказал Амалии театрально:

— Когда Собаньского нет рядом, я спокоен... С чего бы это?

...Градоначальник граф Гурьев танцевал, обливаясь потом. В глазах его стояла тоска. Высокий воротник врезался в подбородок и утопал в его мякоти.

— Когда мы стояли под Лейпцигом, — сказал он своей даме, пыхтя, — был я молод, в седле сидел, как влитой... А вот надо же... То да се, моя милая... Я уж и так стараюсь меньше есть...

Дама оглядела Гурьева критически.

— Я хлебосолен чертовски... — засмеялся Гурьев. Он ловко, несмотря на вес, крутанул свою даму, чтобы обвести Пушкина.

— Александр Сергеич плечом обязательно заденет, — пропыхтел Гурьев. — Авид-то сделает, куда там!..

Дама оглянулась вслед Пушкину.

— Говорят, — сказала она, — тут жуткие его стихи на государя ходят...

— Когда мы стояли под Лейпцигом, — сказал Гурьев, не желая продолжать эту тему, — один священник...

— Вы здесь градоначальник, — закапризничала дама. — Уж вам ли не знать?..

Гурьев ослабил добродушно.

— Помилуйте, да это ж и не его стихи... — и вдруг в самое ухо ее быстро и вкрадчиво: — А кто сказал вам?.. — И засмеялся тяжело...

Александр Сергеич шел через зал и не замечал, как все провожали его глазами.

Он стоял перед Липранди. Видимо, кто-то остановился сзади, так как Липранди не очень дружелюбно посмотрел из-под мохнатых бровей. Александр Сергеич обернулся: черноусый поручик стоял перед ним. Из-за плеча его выглядывал молодой человек во фраке, с едва пробивающимися бачками на полных щеках.

Поручик поклонился и сказал, смущаясь:

— Позвольте выразить... — и смолк.

— Обретаешь веру, честное слово... — сказал его приятель высокопарно. — Хочется расправить крылья...

— О чем это вы? — не понял Александр Сергеич.

— Да как же, — еще больше смутившись, сказал поручик. — Мы имеем в виду стихи...

— Мы их тут читали... — сказал приятель. — «Воспитанный под барабаном...» и другие стихи ваши... читали... — он все время говорил из-за плеча, словно боялся того, о чем говорит.

— Помилуйте, — резко оборвал его Липранди, — господин Пушкин не имеет к сему ровно никакого отношения.

Александр Сергеич удивленно поглядел на него.

Черноусый поручик оглядел их обоих и осекся.

Приятель увлек его за собой

— Зачем вы это? — возмутился Александр Сергеич.

— А затем, батюшка, — сказал Липранди наставительно, — что когда не знаешь, с кем имеешь дело — держи ухо востро.

...Пушкин сказал Амалии:

— Счастье быть с вами наедине так велико, что... Я предвкушаю завтрашний вечер... Вы же дали согласие?

И вдруг он увидел Елизавету Ксаверьевну. Графиня снова появилась в зале. Одна. Воронцов в противоположном углу зала читал листок. Помощники его молчали рядом.

— Александр Сергеич, — тихо позвала Амалия.

Он не обернулся.

— Да, да, — проговорил машинально.

Воронцов дочитал листок. Аккуратно сложил его. Спрятал. Поднял глаза. Увидел Пушкина. Проследил за его взглядом. Снова посмотрел на него. Посмотрел на жену: она смотрела на Пушкина. У графа морщинка на лбу шевельнулась.

Александр Сергеич видел, как граф пошел к жене. Она улыбнулась ему.

Амалии уже не было рядом.

Оркестр молчал. Все сгруппировались по стенам. Александр Сергеич очутился посреди зала один.

...Служба закончилась.

Пушкин шел к выходу рядом с Верой Федоровной.

И когда в широко распахнутую церковную дверь ворвалось солнце, Вера Федоровна, благодаря, пожала руку ему и поощрительно кивнула, словно сказала: «Ну вот видите, как все просто и прекрасно!»

— Я вам очень признателен, что вы заставили меня сюда прийти, — сказал Пушкин, и в глазах у него заиграл бес. — Я тут увидел такую красавицу... Вот как бы дознаться, кто она?..

«Он неисправим...» — подумала Вяземская, но промолчала и лишь вздохнула.

Никита вошел с кофейником и чашкой и остановился: стулья стояли не на месте, на столе были наворочены горы бумаги, книги... Александр сидел в постели по-турецки, в ночной сорочке. Писал... Тонул в бумагах. Перья сломанные валялись здесь и там. Свечу погасить он забыл. Она почти вся сгорела. Пламя с копотью качалось перед носом барина.

Никита шумно вздохнул.

— Я вам кофею...

Перо остановилось. Но на Никиту не поглядел.

— Подавать, что ли?

И Никита сделал шаг, другой.

Александр Сергеич перо высоко подбросил.

— Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!.. (И Никите с радостью.) Господин Козлов, а ведь удалась сценка...

— Вот кофей, — сказал Никита.

— Балбес, — сказал Александр Сергеич в сердцах. — Нет бы обрадоваться...

— Не хотите — не надо... Я и унести могу, — равнодушно сказал Никита.

— Ну давай, давай... — Александр Сергеич поудобнее устроился так, чтобы в окно глядеть. Отхлебнул.

Букин стоял на улице спиной к Александру Сергеичу. Потом медленно двинулся и исчез.

— Может, вы, господин Козлов, хоть листы уберете?

— Отчего ж не убрать? — и Никита собрал листы.

В домишке через улицу отворилась дверь. Вышли двое: высокий старик в линялой польской конфедератке, с ним поникшая женщина. Она слушала его, кивала, потом торопливо пошла прочь.

— Давеча этот приходил... из лавки книжной... — сказал Никита.

— Ну?

— Денег требует...

Старик стоял, прислонясь к забору. Курил трубку. Девушка с порога позвала его по-польски. Они были очень похожи. Пушкин удивился. Дверь захлопнулась.

— Ну?

— Вот и ну... — сказал Никита.

Александр Сергеич отставил кофе. Никите горько было лицо его видеть.

— Никита, — сказал Александр Сергеич, — родитель мой денег нам не шлет... — и указал на гору конвертов запечатанных: — На-ка вот, письма отправь. Без денег, господин Козлов, худо. Вы понимаете?.. Как жить, господин Козлов?

— Если опять придут, чего говорить? — спросил Никита с грустью.

— Скажи, что без книг мне нельзя... А денег у меня нет... Уж как он хочет, черт!

Девушка стояла на пороге своего дома. Золотые волосы ее рассыпались по плечам. Александр Сергеич слюну проглотил.

В коляске покачивала головой Амалия Ризнич. Красивая серая лошадь торжественно гарцевала по мостовой. Амалия кивнула Липранди.

— Неужели это — предмет его страсти? — скривился Прилежаев, провожая коляску взглядом.

— Не думаю, — сказал Липранди. — А впрочем... Да разве его поймешь? — Он глянул на поручика. Тот стоял опустив голову. — Далось тебе это, — сказал Липранди.

— Послушай, — сказал Прилежаев, — какое все-таки счастье, что ты можешь связать меня с поляками из эмигрантов. Без этого я не могу вернуться в полк...

Липранди пожал плечами. Не ответил. Коляска с Амалией удалялась.

— Неужели это — предмет его страсти? — сказал Прилежаев снова.

— Да что ты в самом деле! — удивился Липранди. — Ну что тебе в нем? Игрушку нашел...

Поручик рассмеялся невесело.

Александр Сергеич сидел в пролетке. Рукой коснулся спины кучера:

— Слышал, Береза, Байрон умер?..

— Царство небесное, — сказал Береза, не оборачиваясь.

— Вдали от родины погиб. Погиб...

— Сидел бы дома... — равнодушно сказал Береза.

Пушкин невесело рассмеялся.

— Глуп ты все-таки... Он свободу другим добывал. Свободу...

— А я и так свободный... — откликнулся Береза, и помолчал: — Вашество, вы когда платить мне будете? Целый месяц я вам удовольствие делаю... Извольте деньги платить...

— Останови, — вдруг приказал Александр Сергеич. Спрыгнул и направился к воротам неказистого дома. Остановился, спросил: — Или не веришь мне?..

Береза покосился на палку Александра Сергеича.

— Скоро деньги у меня будут — заплачу... А пока жди.

Михаил Иванович Лекс, жалкий немолодой чиновник, в убогой коморке своей как раз в этот момент подносил к губам глиняную кружку с вином. Вдруг в дверь постучали, часто и требовательно.

— Да входите, батюшка, — сказал Лекс. — Я ж вас узнал.

Александр Сергеич поклонился низко и прямо с порога привычно, но не слишком задорно процитировал себя самого:

Михайло Иванович Лекс:

— Прекрасный человек-с...

И палку прислонил к стене.

— А в глазах у вас грусть, — сказал Лекс.

Александр Сергеич привалился к стене и сразу переменялся, погас.

— Я к вам утешения искать... Байрон умер, Михайло Иваныч...

Лекс вздохнул и не ответил. Протянул кружку с вином. Пушкин взял и не пригубил.

— Михайло Иваныч, вам хорошо живется?

— Шутник вы, Александр Сергеич, — Лекс плутовато прищурился.

Пушкин сказал:

— Я пленник... — расплескал вино в волнении. — Живу по прихоти других... Не день, не два... Разве я не у себя в отечестве?.. Нет, вы мне скажите... Байрон умер. Я молился на него, а он умер... А кому-то ведь это радость, а, Михайло Иваныч?

— Вы пейте, пейте! — сказал Лекс суетливо.

Глаза его были круглы и по-детски светились расположением. И на испитом лице казались чудом...

— Вы молоды, — сказал Лекс так, словно посмеялся, — жизнь у вас веселая... даром, что дворянин... А я вам, сударь, вот что скажу: во вторник-то не забудьте в канцелярии быть... Торжества-с... царские именины, Александр Сергеич...

— Шутник, вы, Михаил Иванович, — сказал Пушкин, отмахнувшись. — Ноги моей там не будет!

— Пейте, пейте... — вздохнул Лекс. — Сразу игра воображения увеличивается.

— От батюшки завишу, — сказал Пушкин, — от царя тоже, от толков и всякого вздора...

— Я в этих делах, батюшка, — сказал Лекс наивно, — ничего не понимаю... А мне вот не зависеть нельзя... Привык-с. Куда я без зависимости? — он прищурился. — Вот и судите сами... Да вы пейте...

— А знаете, куда я еду сейчас? — вдруг спросил Пушкин. — Еду в церковь, Михайло Иванович... Вот уж все удивится, что я по своей воле в церковь, а?.. А вы знаете, зачем я туда?.. Панихиду по Байрону заказывать...

— Господь с вами, — изумился Лекс. — Кто ж вам позволит?

— А вот увидите, — сказал Пушкин и не то хохотнул, не то всхлипнул и стал обнимать Лекса. — А мне нужна независимость и деньги нужны... вот так, — и провёл по горлу. — Прощайте, прекрасный человек-с...

...А дьякон тянул с хрипотцой:

— Упокой, Господи, душу...

Все молились. Александр Сергеич стоял между Липранди и Раевским. Народу в церкви было не очень много. Все свои...

— ...раба твоего боярина Георгия!..

Липранди усмехнулся и ладонь Александру Сергеичу положил на плечо...

— Кабы он знал, боров, по ком он панихиду-то служит, — сказал шепотом.

Дождь прекратился, но уличная пыль надолго превратилась в грязь.

Александр Сергеич пробрался по утоптанной дорожке вдоль домов и остановился у переправы через мостовую.

Дюжий лоб вскинул на руки пышную даму и понес ее через грязь на ту сторону улицы. Там он бережно ссадил ее и протянул руку. Она сунула ему медяк, а он, даже поблагодарить не успев, уже подхватил барышню и понес ее обратно. Барышня улыбалась довольно.

Александр Сергеевич выбрал себе деревянные галоши почище и влез в них. Порылся в карманах. Заплатил владельцу. И пошел через улицу, утопая в грязи.

Воронцов поцеловал Елизавету Ксаверьевну в лоб.
Она сидела в халате перед зеркалом, за вечерним туалетом.
За окном была ночь.

— Элиз, — сказал он, с удивлением глядя на нее, — жизнь так коротка, а мы так беспечны. Я словно впервые вижу вас...

— А вы так редко сентиментальны, — улыбнулась она. — Это грустно, Мишель. Но я понимаю... — она заторопилась, — вы себе не принадлежите.

Он стоял над ней, склонив голову, словно впервые наблюдал, как мягко суетятся ее руки, отшлифовывая, распуская, укладывая...

И вдруг он услышал откуда-то из глубины сознания:

Воспитанный под барабаном...

Он вздрогнул, поморщился. А голос продолжал звучать и, казалось, растекался уже по всей комнате...

Наш царь лихим был капитаном...

— Я все-таки не думаю, чтобы это могло принадлежать Пушкину, — сказал он раздраженно.

Наступила тишина.

— Что? — торопливо спросила она. — Что Пушкину?..

— Эти нынешние строки о государе...

Пальцы ее остановились. Замерли.

Наш царь лихим был капитаном...

Голос возник снова. Граф нервничал.

— Спокойной ночи, дорогая, — сказал он рассеянно. Она подставила ему лоб.

...Под Австерлицем он дрожал!.. — крикнул голос.

Граф размашисто шел по комнатам. Они были полутемны. Кое-где горели свечи. В тишине гулко отпечатывались его шаги. И вдруг:

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном...

Он ускорил шаги и почти вбежал в кабинет. И захлопнул дверь. В кабинете стояла вкрадчивая ночная тишина. Он снял мундир. Медленно прошел за стол, сел, взял книгу с закладками, поворошил мелко исписанные листы... Взял перо.

...Наш царь лихим был капитаном... —

возникло снова. Он потряхнул головой, но голос продолжал с упоением:

Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал...

Граф отшвырнул книгу. Отодвинул листы. Взял один, чистый. Стал торопливо писать, часто перечеркивая... Уже несколько голосов звучало:

...Под Австерлицем он... Наш царь... воспитанный... наш царь... под барабаном... бежал... бежал... дрожал... бежал...

Голоса смешивались, перебивали друг друга.

Рука графа выводила:

«...но теперь уже совершенно здорова...

Что касается... господина Пушкина, кажется, вы были правы: он показывает коготки... Поначалу я был добр с ним. Он, по-видимому, не пожелал оценить этого... Теперь обстоятельства заставляют меня искать другие меры, отнюдь не без искреннего сожаления...»

Голоса утихли. Снова стояла тишина. Свеча потрескивала.

...Александр Сергеич торопливо записывал на клочке: «...Я надеялся, что вот уж в Одессе-то, при таком просвещенном либерале, как граф Воронцов, я смогу наконец отдохнуть душой. Ан нет, здесь — то же, что и везде... И куда от этого деваться? Султаны, цари, повелители — большие и маленькие... О господи! Как я устал зависеть от хорошего или дурного пищеварения владык...»

Граф Михаил Семенович лежал в своей непритязательной постели, на спине, с развернутой книгой в руках.

И вдруг он услышал снова:

Воспитанный под барабаном...

Воронцов захлопнул книгу.

...Наш царь...

Он с головой укутался в одеяло.

...лихим был капитаном...

Он высунулся из-под одеяла и погасил свечу.

...Под Австерлицем он бежал...

...Лужи, охапки грязной соломы. Гомон. Повозки. Лошади. Волы. Люди... Смех, крики, мычание...

Преддверие базара.

Старый вол с печальными глазами медленно перебирал жвачку. Глаза его были полны скорби. Александр Сергеич коснулся ладонью шеи вола. Похлопал его по морде.

На возу, на мешках восседал старик, молча и неподвижно, и смотрел на Пушкина.

— Бык, а бык, — сказал Александр Сергеич, — хорошо тебе в ярме?

— Чего уж хорошего, — бесстрастно произнес старик с воза.

Пушкин озорно рассмеялся, но на старика не глянул.

— Ты бы скинул ярмо, бык...

— Разве его скинешь? — сказал старик в пространство. — Такая ему доля...

— Был бы ты, бык, человеком, — сказал Александр Сергеич, — не стал бы терпеть...

Бык смотрел печальными глазами. Старик откликнулся с воза:

— А кто его знает...

И вдруг его окликнули.

Амалия Ризнич высовывалась из коляски, глядела на него призывно.

— Что это вы тут делаете?

— С ним вот разговариваю... — он ткнул палкой в быка. — Бык, а бык, а может, и ни к чему тебе дары свободы?

Бык медленно покачал головой.

Амалия расхохоталась.

— Ну вот видите? — сказал Пушкин холодно. — А вы своего обещания не забыли?

— Вы меня пугаете, — сказала она. — Вы слишком много требуете...

— О, — сказал он, — требуй все и получишь немного...

— Но хороший пастух пасет овец, а не сдирает с них шкуру...

— Ну знаете, — засмеялся он, — в вашем стаде больше собак, чем овец...

Она вздохнула.

— Никогда не знаешь, что вы выкинете... у других все иначе...

Она силилась улыбнуться, придать словам оттенок иронии, чтобы как-то защититься... Но у нее это не получилось.

В отдалении коляска медленно пересекла площадь. Грустное лицо Леночки Бла-рамберг белым овалом тихо покачивалось из стороны в сторону.

Леночка сразу же увидела Александра Сергеича и не разглядела, а догадалась, что рядом — Амалия.

Коляска двигалась медленно, и у Леночки было время разглядеть эту пару, как Александр Сергеич, весь возбужденный такой, уверяет Амалию в чем-то. Ах, это так на него похоже...

Она сказала кучеру, чтобы он поторапливался наконец. И коляска скрылась за поворотом.

— ...А знаете, Амалия, — сказал Пушкин тоном заговорщика, — я, пожалуй, переменюсь... Брошу стихотворство... От него проку и в самом деле никакого. Только шишки все. Да вечная драка с цензурой. Я вот в двадцать пять лет все в коллежских секретарях, а засучу-ка я рукава, да выбьюсь-ка я в люди! Дослужусь до тайного...

Денег у меня станет много, собственный выезд... И украду вас... А? Вот, ей-богу, характер у меня будет определенный, и в свете меня уважать станут.

— О, — засмеялась она, — если бы вы были таковы, я бы от вас на другой же день удрала!

— Вот за что я вас люблю, — сказал Александр Сергеич вежливо.

Коляска тронулась. Он поглядел ей вслед. Вдруг догнал. Сказал Амалии:

— Зачем нам откладывать?

Она вскинула брови. Палец приложила к губам.

— Если ехать по Кишиневской дороге... — сказал он, словно не ей, — мне говорили — на третьей версте есть прелестное место... Ручей, заросли... Поверьте мне... Рай.

Коляска медленно двигалась. Он шел рядом. Амалия глядела в небо. Издалека они казались плывущими. Города словно не было. Да он и кончался. Открывалась степь. Последние дома призрачно покачивались по сторонам.

Букин стоял на углу, слегка напрягшись.

Амалия что-то сказала кучеру. Коляска покатила. Александр Сергеич стоял один в пыли. Букин поклонился ему. Александр Сергеич ответил рассеянно. Он заторопился за угол. Букин смотрел туда, куда скрылся Пушкин. Вдруг из-за угла вырвалась коляска и, обдав Букина всплеском пыли, покатила на Кишиневскую дорогу. Александр Сергеич сидел, вцепившись в сиденье...

У заставы инвалид едва отскочил в сторону.

Впереди показалась коляска Амалии. Ближе, ближе. Она обернулась. Пушкин всплеснул руками.

Она видела его лицо. Почти явственно. И стала зябко кутаться в кисейный платок, несмотря на жару... Обернулась снова... Офицер склонился с коня к Александру Сергеичу. Коляска Пушкина стояла посреди пыльной дороги.

— Поверьте, я тут ни при чем, — сказал жандармский офицер, — ей-богу... Но вам же не велено без разрешения за черту города... — мягко. — Извольте вернуться...

— Как вы любезны, — сказал Александр Сергеич, погаснув. Он сидел откинувшись. Руки висели безвольно. Вдруг улыбнулся через силу: — И вам все хлопоты из-за меня...

— Ужасно, — признался офицер, утирая пот со лба.

— А вы бы меня не заметили... — сказал Пушкин тихо.

— Это невозможно-с... Извольте вернуться...

Коляска Амалии остановилась. Амалия с тревогой глядела в их сторону.

— Поворачивай! — вдруг крикнул кучеру Александр Сергеич. — Да гони!.. Гони!..

Коляска Пушкина понеслась обратно, подпрыгивая. Офицер скакал рядом. Александр Сергеич назад даже не обернулся.

Маленький круглолицый лицеист семенил по пустынному коридору. Громадный фолиант вырывался из его рук. Лицеист осторожно приоткрыл дверь в первую аудиторию. Заглянул: бородатый человек мыл полы. Лицеист подкрался ко второй двери. Потянул за ручку. Дверь не поддавалась.

Третья аудитория была пуста. Он, озираясь, пролез в дверь, втиснув с собой увесистый том. Дверь плотно закрылась.

Он уселся за один из столов. Круглое испуганное его лицо едва возвышалось над громадной книгой. Он раскрыл ее: «Речи Цицерона». Прислушался. Потом полез под куртку. Из-за поясного ремня вытащил жалкую брошюрку. Расправил ее на коленях, под столом. «Руслан и Людмила. Сочинение Александра Пушкина».

У лукоморья дуб зеленый... —

прочел он полупшепотом. Прислушался. Затем чуть громче:

Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый...

Вдруг за окном резко и отвратительно заорал кот. Послышались неторопливые шаги по коридору.

Лицеист сунул поэму под куртку и уставился в фолиант.

И дверь открылась.

Когда лицеист поднял глаза, что стоило ему больших усилий, он увидел стоящего на пороге невысокого, странного вида мужчину в бакенбардах. На нем был светло-серый фрак, черные панталоны и на голове красная феска, а в руке что-то вроде железной палки...

Незнакомец учтиво поклонился и сел на край соседней скамьи.

Потом он сказал:

— Когда-то я тоже сидел на такой скамье. Это было так прекрасно... Потом уже ничего не было прекраснее...

Лицеист оторопело молчал.

— А вам, наверное, хочется побегать, — сказал незнакомец дружелюбно, — да вот проклятые глаголы надо зубрить... — и засмеялся широко. — Да?

Лицеист молчал.

Тогда незнакомец подошел к нему, заглянул в книгу:

— Ах, это Цицерон!.. Прекрасное чтение, вы не находите?

Лицеист молчал.

— Вы, наверное, стихи пишете?

— Нет, — тоненько проблеял мальчик.

Незнакомец немного помолчал. Потом лицо его внезапно оживилось.

— А Пушкина вы читали?

— Что вы, — пролепетал мальчик. — Нам запрещено его читать.

И он посмотрел на незнакомца, надеясь увидеть в его лице поощрение. Но у того слегка насупились брови.

— А видели вы его когда-нибудь? — спросил он грустно.

Мальчик отрицательно покачал головой. Незнакомец располагал. В нем не было ничего инспекторского.

— Желали бы его увидеть? — вдруг спросил он.

— О, да! — не удержался лицеист.

Незнакомец поглядел на него с любопытством, и что-то детское появилось в его облике.

— Я Пушкин, — сказал он и тряхнул головой.

Лицеист молчал в оцепенении. Александр Сергеич словно не замечал этого, но, наслаждаясь произведенным эффектом, сказал, указывая на дверь:

— Они думают, что путем запретов можно остановить литературу... А? Вы не находите?

— Да, — выдавил лицеист.

— Батюшки, — воскликнул Александр Сергеич притворно, — да вы-то сами уж не относитесь ли к числу отрицателей моих?

— Что вы! — чуть не заплакал мальчик.

— Вам нравятся мои стихи?

— О, да!..

Александр Сергеич засмеялся удовлетворенно, потрепал мальчика по волосам.

— Простите меня, господин...

— Соколов, — выдавил лицеист, пытаясь взглянуть на Пушкина.

— Господин Соколов. Я крайне польщен встречей с вами. Вот вам моя рука...

Надо было видеть лицо Александра Сергеича в этот миг, переполненное улыбкой тщеславия, которую он пытался, да не мог скрыть...

В большом зале губернской канцелярии выстроились чиновники по случаю именин его императорского величества.

Длинная шеренга парадно одетых служащих, казалось, не имела конца.

На правом фланге ее замер Казначеев. Марини едва заметными усилиями оправлял мундир. Брунов стоял с сосредоточенным лицом, весь — порыв и целеустремленность...

Где-то там, далеко-далеко, Александр Сергеич замыкал шеренгу. Он все переступал с ноги на ногу и поглядывал в окно. Хотя в зале было тихо, Александр Сергеичу слышалась барабанная дробь. Он прикрыл глаза — слушал.

Наконец, послышались частые твердые шаги. Шеренга воспряла. Даже Лекс немного выпятил грудь. Дверь распахнулась. Вошел Воронцов. Он лишь мгновение разглядывал выстроившихся перед собой. Затем решительно направился к правому флангу.

Он легко и грациозно, и мужественно пожимал руку каждому и что-то говорил. И шел вдоль шеренги, и благосклонно воспринимал ответное бормотание...

Он остановился на середине пути. Оглядел левый фланг. Голова его качнулась в общем поклоне.

Александр Сергеич словно и не замечал ничего.

Церемония закончилась.

Он устроился полулежа над обрывом. Смотрел на море. Внизу живописно раскинулся порт. Покачивались корабли. Суетились грузчики. Вozy стояли у самой воды, груженные мешками, бочками, всякой всячиной. Пылал августовский полдень. А Туманский сидел рядом и в маленькую подзорную трубу разглядывал горизонт. Снизу доносилась песня...

На досках, на бревнах, раскинувшись в истоме полднейной, лежали люди: то ли матросы, а может быть, и просто бродяги.

...У хозяйки морской зарыт под волной
подарочек...

— Помнишь, Туманский, Онегина моего? — спросил Александр Сергеич.

— О, — вздохнул Туманский, с обожанием глядя на Пушкина, — как это тонко и смешно... Прелестная поэмка...

— Туманский, это не поэмка... Это только начало... Я такое задумал, Туманский!.. Господи, хоть бы меня оставили в покое!

— Счастливчик вы, Александр Сергеевич...

— Счастливчик, — как эхо откликнулся Пушкин, усмехнувшись.

Хор внизу становился мощнее, но грусти — хоть отбавляй.

...Не браслет яхонтовый, не полушалочек...

Вдруг возле самого корабля, белого, белого и надменного, готового выйти в море, он увидел человека. Неизвестный господин в коричневом сюртуке в высокой петербургской шляпе стоял на причале, опершись на трость.

...Ты, сударушка, моя кралячка,
не просия со мной!

Волна синяя, да кудрявая
станет черной волной...

— Отчего я пессимист? — вдруг спросил Туманский.

— Оттого, что моралист, — засмеялся Пушкин.

— Но современность... Вы-то сами к ней как относитесь?

— Внимательно, — сказал Александр Сергеевич.

Туманский улыбнулся.

Человек у корабля стоял неподвижно. Его точеный силуэт дразнил и притягивал. Пушкин замер. Вытянув шею, всматривался.

...Для хозяйки морской я рискую башкой

окаянную...

умываюсь водой, одеваюсь водой

окиянную...

— Туманский, — сказал Александр Сергеевич, — ну пусть я циник... Друзья славу мне кричат. Черт их побери с нею вместе!.. Я за деньги спину гну! А вы: божественное начало... Вдохновение! Да где его взять — вдохновение, когда велят

по струночке ходить! — И вдруг смилостивившись: — Вы милый человек, Туманский, и добрый... — и снова значительно: — А Онегин фигура трагическая, даже безнадежная... — Тихо: — Как все мы, наверное... — Засмеялся: — Каково, я думаю, цензору-то с ней придется!

Он посмотрел на поющих и снова перевел взгляд на незнакомца. Но его уже не было.

...Ты, сударушка, моя кралечка,
не просися со мной!

Александр Сергеич поглядел вдоль берега, туда, за порт. Незнакомец возник из ничего и преспокойно шел вдоль воды, сняв шляпу. Ветер поигрывал его волосами.

— Какая натуральная картина! — пробормотал Пушкин. — Сойдешь с ума, пожалуй...

И он покачал головой. Человек тотчас же исчез. Пушкин рассмеялся с удовлетворением.

...Обвенчался я да не в церкви
только с нею с одной...

— Прощайте, — как всегда неожиданно сказал Пушкин и побежал вниз, к поющим.

По лицу Александра Сергеича струился пот. Прядка на лбу дрожала от напряжения, полные губы искривились в зверской улыбке.

Бродяга с кольцом в ухе, сидевший напротив, постепенно слабел. Сдавался. Александр Сергеич явно пережимал его.

Все столпились вокруг единоборцев. Молчали. Только побрякивали.

— На! — выдохнул Пушкин, прижав руку соперника, и захохотал.

— Ай да барин... — сказал кто-то.

Пушкин извлек из кармана целковый, подбросил его на ладони:

— Это тебе за песню...

Побежденный ловко поймал рубль. Молча, с достоинством поклонился.

Александр Сергеич пошел прочь, утирая пот со лба.

Бродяги хохотали над поверженным своим товарищем.

— Барина я пожалел, — услышал Александр Сергеич: — Да рази я его не взял бы?..

Побежденный глядел вслед Пушкину с улыбкой. Вдруг улыбка погасла. Пушкин возвращался.

— Значит, пожалел?

— Да это он так, вашество, — сказал кто-то.

— Давай целковый, — сказал Пушкин. — Они мне дорого достаются...

Две руки сошлись снова. Узловатая — бродяги, жилистая, стремительная — Александра Сергеича.

В толпе закрывали поощрительно.

Борьба шла с переменным успехом. Потом рука Александра Сергеича поддалась, пошла книзу и распласталась на бревне.

— Твоя взяла, — сказал Пушкин просто.

Целковый сверкнул в воздухе. Бродяга снова поймал его.

Александр Сергеич пошел в гору. Никто не смеялся.

Они сидели в большой комнате у Липранди кто где. Пушкин, Туманский, Раевский, Вигель, незнакомый пехотный капитан и еще какие-то военные в цивильном.

Разговор тянулся уже давно. На столе высились бутылки с вином и большая миска с фруктами. Сизый дым табачный плавал по комнате.

— Нынче все покрыто мраком, — сказал капитан. — Ничего неизвестно... — и отпил из бокала.

Все засмеялись.

— А что, господа, — сказал капитан, — серьезно, все чего-то ждут. Даже у нас в полку всякие намеки, разговоры... Я денщика немножко намедни поучил, так он волком смотрит... Раньше извивался весь, теперь поди ж ты...

— Как можно бить человека, господин капитан? — сказал Туманский.

Все зашумели.

— Да полноте, — сказал капитан. — Вы еще молоды...

— Бить нельзя! — вдруг крикнул Александр Сергеич. — Завтра меня ударят!..

— Да для остратки, — добродушно засмеялся капитан. — Ну, согласитесь...

— Не соглашусь! — сказал Пушкин. — Мне уже вот так (провел по горлу)... Надоело... Отвратительно...

— А вот будете вы слугу своего учить, — засмеялся капитан, — вспомните меня.

Александр Сергеич рассмеялся нехотя.

— А разговоры идут, идут, господа, — повторил капитан.

— Разговоры о возможных бунтовщиках? — сказал Вигель. — Я слышу об этом пять лет...

— Что значит бунтовщики? — сказал Александр Сергеич и посмотрел на Прилежаева. — Победители не бывают бунтовщиками...

— Bravo! — сказал Липранди.

— Они еще не победили, — тихо заметил Раевский.

Все замолчали.

— Чего вы медлите? — тихо спросил Пушкин у Прилежаева.

— О чем вы? — не понял поручик.

— О бунтах и заговорах, — засмеялся Александр Сергеич с надеждой. — Я же все насквозь вижу.

Прилежаев покачал головой и не ответил.

— Значит, то, что возгоралось на Севере, уже погасло? — сказал Пушкин. — А не хотите ли отведать шомполов?

Прилежаев пожал плечами, но посмотрел на Пушкина с удивлением, как сквозь туман.

— А не желаете ли отказаться от газет, от способности мыслить?.. — шептал Александр Сергеич. — Даже в личную жизнь вторгается произвол... Ну? Ведь это невыносимо... невыносимо... Греки турок побить хотят... Поляки оружие собирают. А у нас свои турки... православные... — и откинувшись: — Хитрите вы, поручик... Я от вас не ожидал этого.

Липранди разливал вино по бокалам.

— Господин капитан прав, — громко сказал Пушкин. — Что-то должно случиться...

Капитан посмотрел на него с ужасом. Пушкин расхохотался.

— Ну зачем это? — сказал Вигель. — Он же не понимает...

— Я понимаю, что он не понимает, — сказал Александр Сергеич, — но я не понимаю, как он этого не понимает!

Потом он сказал Липранди:

— У Амалии вот здесь (показал на грудь) прелестная родинка... — и засмеялся, и расплескал вино.

— Нет, нет, серьезно, — сказал Туманский. — Трудно быть в стороне... Конечно... Я вас понимаю...

— Чепуха, — сказал Вигель.

— Приступы патриотизма, — сказал Раевский.

— А что делать? — развел руками Пушкин. — Учили любить отечество... Я его полюбил. А как полюбил — увидел, что оно несчастно... Вот какой парадокс.

— Вот какой парадокс, — словно эхо откликнулся в своем кабинете граф Михаил Семенович. — Его поступки, его образ мыслей противоречат высокому званию поэта, которым его так модно наделяют нынче...

Брунов молча кивнул. Лицо его ничего не выражало. Просто кивнул, и все.

Воронцов посмотрел на Марини.

Марини кивнул.

В дверях стоял Лекс. Под мышкой он держал папку.

Воронцов усмехнулся благодушно.

— Вот Михаил Иванович — большой друг Пушкина... Что он нам скажет?

— Я в этих делах мало смыслю, ваше сиятельство, — пробормотал Лекс. — Александр Сергеевич человек молодой, с фантазиями, но добрый...

— Ах, я в этом не сомневался, — с досадой перебил граф. — И вас в защитники не нанимал... Добрый... Это я ему желаю добра. Он в трудном положении... Но то, что я ежедневно узнаю, — он повысил голос едва заметно, — и он не так уж молод... — Воронцов посмотрел на Брунова. Брунов кивнул. — И это не фантазии, господин Лекс... Нельзя противопоставлять себя обществу... а?

Брунов кивнул. Воронцов качнул головой. Лекса словно выдуло.

— Это между нами, конечно, — сказал Воронцов Брунову, — но вы постарайтесь намекнуть ему, чтобы он не отказывался написать стихи к маскараду... Нельзя же так... И потом это в его интересах.

Брунов поклонился и вышел на носках.

— Ваше сиятельство, — сказал Марини, очаровательно улыбаясь, — это для ее сиятельства графини, — и он протянул графу медальон на тонкой цепочке... — Греческий, старинный...

— Вот как? — сказал Воронцов, еще не избавившись от досады. — Очень мило... Вы очень любезны...

— Ваше сиятельство, — сказал Марини, сделав круглые глаза, — я был бы счастлив воспринять знаки доверия и расположения вашего сиятельства...

— В каком смысле?

— Я так давно мечтаю об ордене Святого Владимира!.. — как ни в чем не бывало признался Марини и ткнул себя в грудь.

Воронцов сказал, глядя в окно:

— Хотел бы я все-таки знать, Александру ли Сергеичу принадлежат эти стихи.

Вдалеке возник хохот. Он нарастал. Воронцов в растерянности вертел в руке медальон.

Смеялись в комнате Липранди.

Бутылки были уже полупусты.

Александр Сергеич хохотал громче всех. Сюртук он скинул.

— Однажды, — сказал Вигель, — мужчине встретился мальчик. «Не продаст ли тебя мне твой отец?» — спросил мужчина. «Не продаст, — сказал мальчик, — но ты можешь прислать к нему свою жену, и он сделает тебе много таких мальчиков...»

Все засмеялись снова.

— Послушайте-ка, — крикнул Александр Сергеич. — Один пьяный вернулся домой... Хочет дверь отпереть, да не может. А жена ему сверху кричит: «Если у тебя нет ключа, я сейчас брошу...» «Есть у меня ключ, — прохныкал пьяный. — Вот если можешь, брось мне скважину... — и захохотал первый».

Букин сидел в кресле Александра Сергеича, глядя на Никиту, стоящего в дверях, перебирая на животе толстыми пальцами, мелко хохотал.

— Нравишься ты мне, Никита... Уж как ты мне нравишься... Ну, Никита!.. — сказал Букин, утирая слезы. — Ну, Никита, черт... Хорош!.. — и снова захохотал тоненько.

Никита скалился в дверях с достоинством.

Букин полез за пазуху. Вытащил ассигнацию в пятьдесят рублей. Потряс ею.

— Поди-ка сюда, Никита... Хочу тебе презент сделать...

Никита обомлел. Сделал шаг к креслу.

— Иди, иди, не бойся... — ласково сказал Букин. — Нравишься ты мне... На-ка вот...

— Да за что же, вашество? — выдавил Никита.

— Бери, — сказал Букин. — Корову купишь, лошадь... Нравишься ты мне... — и вдруг захохотал снова: — А барин, говоришь, в разгуле?.. Гуляет?.. А ты вот так один?.. Да ты бери, бери, дурень!..

И вдруг Никита что есть силы кинулся Букину в ноги.

— Вашество!.. Премного благодарен... Вашество!..

— Бери, бери, — растрогался Букин. — Барин-то нечасто дает... знаю...

Громче всех смеялся капитан. Он смеялся, но при этом почему-то вскрикивал:
— Ах, доброе вино!.. Ну и паскудство!.. Больше не осилить! — Тут же опрокидывал новый бокал.

Когда все успокоились, Липранди сказал:

— Вот еще один прелестный анекдот. Он не очень смешон, но мудр.

В дверь постучали. Липранди вышел. Тотчас вернулся.

— Там очаровательная дама, — сказал он Прилежаеву. — Просит вас незамедлительно...

Пушкин рассмеялся удивленно.

Прилежаев, выходя, подмигнул ему.

Александр Сергеич легко отодвинул штору: там в свете луны удалялись, оживленно разговаривая, Прилежаев и старый поляк, уже Пушкину знакомый.

— Вправду ли хороша? — спросил Вигель без интереса.

Пушкин опустил штору. Липранди внимательно глядел на него.

— Она действительно хороша, — сказал Александр Сергеич тихо.

Липранди едва улыбнулся.

— А где же анекдот? — спросил капитан.

— Давайте, чего там... — крикнул из своего угла Туманский. — Ну, пожалуйста!..

— Один царь, — начал Липранди и смолк. — Опять царь... — Он засмеялся. — Что было бы, если бы не было монархии? Не было бы половины прелестных анекдотов... Но слава Богу... Итак, один царь сказал однажды: «Царствовать хорошо... Но было бы совсем хорошо, если бы царствование продолжалось вечно...» «Если бы царствование продолжалось вечно, — возразила царица, — ты никогда не дождался бы своей очереди...»

— Ах, если бы я был царем! — засмеялся Александр Сергеич и бросил в рот вишенку...

— Представляю, — пьяно нахмурился капитан.

Александр Сергеич сверкнул глазами:

— Нет, вы не представляете, милостивый государь... Если бы я был царем, — Пушкин встал с полной пригоршней вишен, — я бы призвал, например, Пушкина... — он сплюнул косточку разухабисто, — и сказал бы ему: «Александр Сергеич, вы прекрасно сочиняете стихи». Пушкин поклонился бы мне с некоторым скромным замешательством, а я бы продолжал: «Да, да, я читал. Все написано немного сбивчиво... малообдуманно, но тут есть кое-что... Поступая крайне неблаго-

разумно, вы, однако ж, не старались очернить меня в глазах народа распространением какой-нибудь нелепой клеветы... Вы можете иметь мнения неосновательные, но вижу, что вы уважили правду и личную честь даже... в царе!»

Все засмеялись.

— Словоблуд! — усмехнулся Липранди. — Ну надо же!

Александр Сергеич разошелся. Он взобрался с ногами на старый диван Липранди. Зазвенели пружины.

Букин стоял у дверей, смотрел на Никиту с гневом.

— Не нравишься ты мне... Я тебе пятьдесят рублей не пожалел, а ты мне малость самую жалеешь...

— Не могу я этого, вашество, — сказал Никита твердо.

Ассигнация печально высовывалась из его кулака. Букин потянул за нее. Она поддалась с трудом. Никита смотрел в сторону.

— Я бы только глянул в бумажки-то... Он и не узнал бы... Вон их у него сколько! — Букин кивнул на комнату...

Бумаги Александра Сергеича были разбросаны во множестве...

— Не могу... — сказал Никита.

Букин сильнее потянул ассигнацию. Вытащил.

— Не нравишься ты мне...

— Ах, ваше величество, — сказал Александр Сергеич тоном покорного Пушкина, — вы так справедливы, только отчего же вы меня сослали?

И снова все рассмеялись.

— А я бы ему сказал... «А я тебя за дело сослал. Ты безобразные мысли вслух высказываешь!..» — «Да где же, ваше величество?» — спросит этот Пушкин... Но тут я его сам спрошу... — Александр Сергеич замешкался, придумывая фразу. — Вот что это у тебя за стихи: «...Кто, волны, вас остановил, кто оковал ваш бег могучий?..» А? Кто, кто? Кто остановил?.. Я, что ли?

Туманский прыснул. Вигель похмыкивал, сдерживаясь.

— И тут этот Пушкин, — продолжал Александр Сергеич, — попробует объяснить что-то... «Молчи!» — скажу я ему... Или вот еще...

— «Где ты, гроза, — символ свободы!» — крикнул Липранди.

— Вот, вот... — сказал Александр Сергеич. — Так ты что, бунтовать?.. Или в этих стихах... Как их... «Наполеон»!.. Это подумать только, в нашем просвещенном

государстве врагам отечества стишки посвящать!.. «Что вы, ваше величество, я не то хотел! — закричит этот Пушкин...» «То-то! — скажу я ему. — Я знаю, знаю, что ты не хотел... Да видишь, каково оно получается... Надобно тебе для прославления родной земли рифмы подбирать, а не во вред, понял?..» — «Понял, ваше величество.

Александр Сергеич лихо козырнул.

— Тут этому Пушкину, — сказал он, — ничего не останется, как только оду в мою честь сочинять. А я ему скажу: «Глуп ты, однако, Пушкин. За ум тебе взяться надобно». А этот Пушкин: «А коли глуп, стало быть и ума нет, братья-то не за что...» «А ты займи, — скажу я ему. — Ну вот хоть у этого, — Александр Сергеич ткнул рукой в капитана. — Прекрасный кавалер!..» Тут этот Пушкин наговорил бы мне дерзостей, а я бы его в Сибирь сослал...

— Как же так, ваше величество, — крикнул, смеясь, Липранди, — такого поэта да в Сибирь?

— А что же мне делать, — спрыгивая с дивана, но еще в тоне «царя» сказал Александр Сергеич. — Не мне же уезжать. Мне ведь государством управлять надобно...

Смех и звон бокалов перемешались.

Воронцов сказал Казначееву дрогнувшим голосом:

— Меня очень тревожит его судьба... Наша демократическая обстановка ему вредна... А? Ведь вы близки с ним, остерегите его. Давайте вместе его уберезем... Я говорю: надобно ему вести себя в рамках... вы ему скажите... ведь он... Ведь это может не понравиться... есть некоторые вещи, мне говорили... он должен прекратить... Его вольнолюбие переходит границы... Мне это больно, ведь я же не тиран какой-нибудь!.. Надо его приблизить... В церкви я один раз видел... Он ведет пред-о-су-ди-тель-ный образ жизни... Вы говорите, стихи? Кто в молодости не писал стихов? А он, с его темпераментом, мог бы найти занятия и посерьезней...

— Великие греки... — заикнулся было Казначеев.

— Ах, так ведь это ж великие греки! — оборвал его Воронцов с досадой. — И не сравнивайте... Но я его ценю... и люблю... мне больно все это... — Взгляд его похолодел: — Я уже предпринял кое-какие меры, — снова улыбка: — Но и вы, и вы в свою очередь... И все мы. Он просил разрешить ему выехать за пределы Одессы... Там его интересуют какие-то исторические реликвии, что ли... Я решил поощрить его... Пусть едет... Но не один, не один. Пусть едет. Пусть... Я наде-

юсь, что его величество простит мне эту вольность, когда увидит Пушкина наконец образумившимся... — И вдруг рассмеялся, что-то вспомнив. — Да, кстати... Приходил с жалобой господин Ризнич... Он якобы вернулся из поездки и застал Александра Сергеича... В общем, ему показалось... — граф подыскивал слова... — Очаровательная Амалия в истерике, муж ее тоже.

Граф нахмурился, заходил по кабинету. Казначеев лишь вздыхал громко.

Несколько пролетов, из которых раздавались крики и пение, остановились возле глубоких ворот. Пыль медленно взлетела вверх. Темные фигуры выпрыгивали на землю и направлялись к воротам.

— А с деньгами как, ваша милость? — спросил Береза. — Что же, опять пустым ехать? Это ж так я всякое терпенье потерять могу!

— Смотри, как бы я сам терпенье не потерял! — сказал Александр Сергеич и погрозил палкой.

Михаил Иванович Лекс был пьян. Он смотрел мрачно на стены своей каморки. Детское во взгляде уже не проступало. Когда за дверью забухали шаги и голоса зазвучали, он даже не пошевелился и навстречу ворвавшейся толпе не встал. Пламя свечи заметалось. Слышались глухие удары бубна и цыганское пение.

Они ворвались с криками, усердно жестикулирующие, хмельные. Пушкин бросился обнимать Лекса. Липранди въехал в каморку верхом на метле. Вигель тотчас приспособился к кувшину и пил из него. Пехотный капитан, приплясывая, напевал что-то, глупо скалясь... За дверью бил бубен.

— Подите все вон! — резко сказал Лекс. — Вас вообще не существует...

— Bravo! — закричал Александр Сергеич.

— Bravo! — подхватили остальные.

— Свиньи, — сказал Лекс. — Беспардонные свиньи... Презренные червяки... Я презираю вас!

Александр Сергеич захохотал, вскочил на стол и стал говорить что-то или декламировать — разобрать было нельзя: так шумели вокруг.

— Сбросили оковы! — кричал Пушкин. — Ура!.. Я говорил — у Михаила Иваныча веселье будет... Михайло Иваныч — прекрасный человек-с!.. Я его люблю...

— Зовите цыган сюда! — крикнул Липранди. — Пусть с ума сведут!..

— Надо еще вина! — сказал Вигель.

— Эй, человек-с! — крикнул капитан. — Давай вина!

— Подите прочь, — сказал Лекс. — Вас не существует...

— Саша, Саша! — кричал Пушкин Раевскому. — Я люблю тебя! Неужели ты не замечаешь?.. — и бросился обнимать Раевского.

— Отстань, — поморщился Раевский. — Ты пьян... И я пьян... Это отвратительно... Мне скучно...

Лицо у Александра Сергеича переменялось вдруг, губы задрожали.

— А знаешь, — сказал он, — мне ведь тоже скучно...

— А вы, господин Раевский, — сказал Лекс, — только представляетесь, что вы умник-с... А вы на самом-то деле хитры-с... и ненадежны-с...

Пушкин захохотал горько. За дверью веселились цыгане.

— Вина бы... — прохныкал Вигель.

— Давай вина! — крикнул капитан Лексу. — А не то...

Александр Сергеич трезво взглянул на капитана, бросился к нему:

— Вы оскорбили моего друга... Я требую удовлетворения!

— Позвольте, — сказал капитан и очнулся... — Что я такого сказал?..

— Вы велели! — крикнул Пушкин, свирепея. — Не смейте приказывать... здесь... на этом острове свободы!.. Ненавижу! — Он рванул ворот, пуговицы отскочили. — Вы угрожали!.. Какого черта!..

— Да отстаньте вы, — сказал капитан испуганно. — Не буду я с вами драться, и все тут... — и попытался улыбнуться.

И тут же получил пощечину.

— Теперь вы не откажетесь, надеюсь?.. — совершенно спокойно сказал Александр Сергеич.

Громко пели цыгане.

...Грянул выстрел. На червонном тузе вспыхнула дырочка.

Пушкин подбросил пистолет. Взял другой, прицелился.

Он сидел в своей комнате на полу, по-турецки. В халате. Пистолеты лежали рядом.

— Смуглый хорош для боя, — сказал он, целясь, — белолицый — для девицы... — и выстрелил.

Никита молча перезаряжал пистолеты.

— А что, господин Козлов, не спрашивал меня один такой в коричневом сюртуке, с лорнетом?..

— Какой такой? — нахмурился Никита.
— Молодой, — сказал Пушкин, снова поднимая пистолет, — не улыбающийся... Не назывался ли он Онегиным?..
— Вроде бы не было, — сказал Никита.
— Смуглый хорош для боя, белолицый — для девицы, — скороговоркой произнес Александр Сергеич и выстрелил. Третья пуля вошла в сердце туза... — Если спросит, ты ему не сказывай, где я... Я боюсь его, слышишь?..
...Александр Сергеич повязывал галстук перед круглым зеркалом с трещинкой посередине.
— Я его страдать заставил, — сказал он. — Теперь все ему не так... Это по моей вине... — и тихо: — Друга своего он убил...
Никита усмехнулся незаметно.
— Если он меня найдет — убьет... — сказал Александр Сергеич.
— Да ну вас, — сказал Никита.
Пушкин засмеялся, выглянул в окно. И тотчас Онегин возник в тени платана. Стоял и рассматривал Пушкина в лорнет.
— А, — сказал Александр Сергеич, — да вот же он!
Никита ринулся к окну. Под платаном никого не было.
— Да ну вас, — сказал Никита и пошел вон из комнаты.
...Пушкин вышел из подъезда. Букин принялся суетливо стряхивать пыль с сюртука. Александр Сергеич не обратил на него внимания. Онегин удалялся вдоль по улице. Александр Сергеич двинулся следом. Вдруг Онегин совершенно явственно свернул в подъезд гостиницы и скрылся.
Пушкин отыскал за конторкой заспанного смотрителя.
— Кто этот господин, любезный? — и указал на Онегина, но тот исчез. — А ну-ка я в книгу загляну, — сказал Александр Сергеич, нервничая.
Палец его бежал по фамилиям постояльцев... Один, другой, третий...
— Ага! — крикнул он торжествуя. — Да вы поглядите!..
Длинный ноготь уперся в витиеватые каракули: Онегин Евгений...
Смотритель пригнулся.
— Ну? — сказал Пушкин.
Рядом с его ногтем стояло: Оболенский...
— Что за черт! — сказал Александр Сергеич, не веря себе. — Я ведь явственно видел...

Елизавета Ксаверьевна меланхолически перебирала пальцами горку свежевыглаженных платков. В большой ее комнате было много солнца, но необъяснимая тревога не покидала ее. Она мельком поглядывала на Вяземскую, сидящую в глубоком кресле, и старалась придать своему лицу более сосредоточенное выражение.

— Раньше я всегда была веселой... — сказала Воронцова. — Что это со мной? Может, верхом проехаться?.. — и помолчала: — Ты в самом деле собираешься обратно, в Петербург?

— Да, — сказала Вяземская. — Ах, я давно бы уже уехала, если бы не он...

— Мы с тобой так и не поговорили о себе самих, — сказала Воронцова. — Все некогда...

— Я должна его опекать... Он совсем в смятении...

— Вчера во сне увидела, как я поскользнулась и падаю с обрыва... И вот уже море под ногами... нет, луг, и навстречу мне старый ворон... — она улыбнулась. — Да, да... И он мне говорит: «Ку-ку». — Рассмеялась и тут же погасла. — Какая чушь!..

— Он стал ожесточеннее как-то... Может быть, это книги? Он их буквально глотает... — сказала Вяземская...

— Солнце село, — сказала Воронцова... — Надо выйти на воздух...

Она медленно направилась к окну.

— Он написал прелестные стихи. Очень грустные и мудрые. И вообще он повзрослел. Ты не находишь?.. — сказала Вера Федоровна.

— Ты не забывай писать мне, когда уедешь... — сказала Елизавета Ксаверьевна, прислоняясь лбом к стеклу. — Все-таки Одесса не Петербург... Я совсем постарела, моя милая...

Вера Федоровна медленно прочла:

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубравы,
И ночью пенье соловья...

Воронцова обернулась. Вяземская в кресле напоминала раненую птицу.

Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь

И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осень,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.

Воронцова снова глянула в окно.

Внизу медленно прохаживался маленький Александр Сергеич. Наверх он не смотрел. Графиня чуть отклонилась.

— Я иногда прихожу в отчаяние, когда подумаю, как он на самом деле одинок, — сказала Вяземская откуда-то издалека.

Александр Сергеич поманил маленькую собачонку. Она бросилась к нему, вертя обрубок хвоста. Он носком сапога почесал у нее под брюхом. Она тотчас улеглась на спину...

— Животные удивительно чувствуют доброту... — сказала Елизавета Ксаверьевна.

Вера Федоровна посмотрела на нее удивленно. Подошла. Посмотрела в окно. Потом — на графиню.

— Да, — сказала как ни в чем не бывало. — Какая прелестная собачонка...

Леночка Бларамберг торопливо писала. Перечеркивала, писала снова...

«...Не знаю, откуда я набралась мужества написать Вам, но я пишу... Вы неотступно ходите за мной... Я читаю Ваши стихи, смеюсь, и плачу, и умиляюсь... Ах, зачем Вы приехали сюда!.. Я понимаю, что Вам не может быть со мной интересно, что я проигрываю рядом с такими блестящими дамами, как... И все-таки я счастлива... Да, да, я счастлива, что хоть изредка имею возможность видеть Вас... Поверьте, мне стыдно, но в то же время я горжусь, что смогла быть мужественной... Умоляю Вас, порвите это письмо... И не смейтесь над девчонкой, позволившей себе счастье быть откровенной с человеком, которого...»

А этот человек сидел на подоконнике в халате. Липранди потягивал вино из старого треснутого бокала.

— Граф не простит теперь тебе твоей сатиры, — сказал Липранди. — Ты остерегись...

Александр Сергеевич поморщился и не ответил. На той стороне улицы золотоволосая строгая молодая полячка стирала в деревянном корыте.

— А может, не следует жалеть поэтов? — сказал Пушкин, приглядываясь к девушке. — Может, лучше пинать их, бить камнями (не до смерти, конечно), а?.. Ведь вот Державина сделали министром, он и писать разучился...

Липранди засмеялся.

Старый поляк вышел из дому. Золотоволосая взяла у него из рук маленький сверток и, оставив стирку, пошла по улице, отирая ладони о юбку.

Александр Сергеевич пожал плечами. Вдруг он сказал резко:

— Вы меня игнорируете... Я все знаю...

Липранди отставил бокал.

— Вы и Прилежаев встречаетесь с поляками, участвуете в их благородном деле... Я знаю, это ниточка из Петербурга тянется... Я знаю...

— Помилуй, — сказал Липранди, отводя взгляд.

— Вы мне не доверяете... Мне, у которого свои счета с царем!

— Ты ошибаешься, Александр, — выдал Липранди. — Мы говорим о свободе, жаждем перемен... Все это так, но никакой продуманной деятельности, уверяю тебя...

Александр Сергеевич махнул рукой. Старый поляк, близоруко щурясь, глядел на него.

— Ваша дружба с Александром Сергеевичем не образумила его, — сказал Воронцов очень любезно. — Даже вы не смогли склонить его заняться чем-нибудь путным...

— Помилуйте, ваше сиятельство, — сказал Липранди, — такие люди могут быть только поэтами.

— Так на что же они годятся? — раздражаясь, спросил граф.

Липранди молча поклонился.

— Мы живем на вулкане, — уже мягче продолжал Воронцов. — Страсти накалены, милостивый государь... Греки, поляки... Всякие толки... А тут еще он... со своими взглядами... Вы понимаете?

Липранди стоял вытянувшись. Любезный тон всесильного графа не обещал ничего приятного.

— Не загостились ли вы в Одессе? — осведомился Воронцов.

— Действительно, — выдал Липранди. — Дел в Кишиневе накопилось изрядно...

— О, — сказал Воронцов, — не запускайте дел. Это обычно плохо кончается.

Александр Сергеич вошел в книжный магазин как-то боком, с опаской. Хозяин, маленький толстый человечек, сразу же его заметил, что не доставило Александру Сергеичу большой радости. Но пришлось взять себя в руки.

Хозяин помахал ему любезно, поманил, показал на горку книг, журналов.

— Все новехонькое, Александр Сергеич... Только что... А вы как почувствовали. (Пушкин подходил осторожно, не отрывая глаз от лица человечка: уж не насмешка ли?)

— Что это вы будто сторонитесь меня, Александр Сергеич? — сказал человечек с укоризной. — Самый мой, можно сказать, книгоглотатель...

Вдруг Александр Сергеич сказал, по-мальчишьи краснея:

— Стыжусь за долг... Да уж теперь скоро... скоро... — но надежды в голосе не было. — Уж совсем на днях...

— Да помилуйте, какой долг? За вас уже все уплачено.

Лицо у человечка искривилось: Пушкин стал не похож на себя самого.

— Кто посмел? — спросил тихо, со свистом...

— Господь с вами... Ну не все ли равно?

— Кто меня пожалел?! Черт! Не смеет... Не смеет! Я сам могу!.. Мне жалость его не нужна! — Он схватил человечка за отвороты сюртука и затряс его.

— Да что вы, право... Александр Сергеич, сударь!..

Пушкин отбросил его, метнулся к выходу, но снова остановился, оглянулся.

— Ну, пустяк-то какой, — сказал хозяин. — Ну, благожелатель ваш... Ну, уплатил...

— Имя, — сказал Пушкин. — Его имя!.. Не знаете?.. Не знаете?.. Не знаете!.. — и побежал прочь.

Он лежал на кровати во всем. Плакал, всхлипывая. Никита на цыпочках ходил. Глядел с болью на барина.

Александр Сергеич вскочил вдруг, потянулся к чашке, стал жадно пить, расплескивая. Чашка выскользнула из рук и разлетелась вдребезги.

Никита тут как тут:

— А мы ее, батюшка, сейчас соберем... соберем... Подумаешь, чашка... — и вдруг отшатнулся от пощечины.

— Никита! — кричал Александр Сергеич. — Прости, Никита! — и бросился к нему. — Прости, Никита... Ну ударь меня, ударь!.. Никита!..

Пушкин стоял возле экипажа. Липранди высунулся к нему.

— Вы оставляете меня в трудную минуту, — сказал Александр Сергеевич. — Задержались бы, а?

Липранди грустно покачал головой.

— Ну что дела? Вы же человек вольный... Плюньте...

Липранди протянул руку.

Пушкин поднял голову от бумаг, потянулся, хрустнул пальцами и сказал Раевскому:

— Когда б ты знал, как мне идти туда не хочется... Там скука... Мне пишется чертовски...

— Граф разрешил тебе поездку...

— Ура! — крикнул Пушкин.

— Ну, хоть ради этого уважь его...

— На колени встать или как? — нахмурился Александр Сергеевич. — Месяц униженно прошу разрешить мне поездку по близлежащим окрестностям... Хочу развалины посмотреть!.. — Копируя графа: — Вы еще ничем не послужили отечеству, а уже требуете внимания... И потом не забывайте, что вы в некотором роде... — И снова своим голосом: — Я ссыльный! Каналья!.. Он это мне тычет при всяком удобном случае...

— Раньше ты оживлялся при виде хозяйки этого дома, — сказал Раевский небрежно.

Александр Сергеевич вспыхнул, но смолчал.

— Идем, идем, — сказал Раевский. — Не томи меня.

...Александр Сергеевич надел цилиндр, снял, снова надел. Посмотрел в окно. Вдоль Ришельевской суетливо бежали черные чиновники, словно мыши. Их было много. Улица была заполнена ими... Они были похожи друг на друга. Моросил дождь. Они все бежали со втянутыми головами.

— Бррр... — засмеялся Пушкин. — Какая дрянь!..

...Они шли по улице. Она была обычна.

— И потом, — сказал Пушкин, — все меня раздражает. Я могу нечаянно сказать дерзость, — и засмеялся.

Они повернули за угол. На плацу перед ними роскошно рассыпалась барабанная дробь. Свистели флейты.

Солдаты медленно вскидывали деревянные ноги. Штыки сверкали...

Маленький кривоногий лихо вышагивал рядом со строем.

Из пестрого колодца любопытных выплескивались платочки дам.

— Браво!

Прапорщик еще неистовее бил каблуками о землю. Оглядывался на кричащих...

Барабанная дробь то усиливалась, то угасала.

Они смотрели. Раевский, казалось, был безразличен.

Александр Сергеич болезненно улыбался.

Маленькая девочка в кружевных панталончиках приподымалась на носках и тоже кричала.

Извозчики смотрели с козел. Бродячая собака лаяла на барабаны.

Букин смотрел с угла, жуя что-то.

Солдаты обливались потом. Один из них споткнулся. Нелепо замахал руками. Прапорщик подскочил и раз... раз... раз... рукою в белой перчатке по потным щекам солдата...

Букин поморщился.

Пушкин опустил глаза. Раевский коснулся его руки, и они пошли дальше молча.

— Я вот сейчас подумал, — сказал вдруг Александр Сергеич. — Маленький тиран — это еще ужаснее, чем большой: он глумливее... В нем великодушия — ну вот ни на столько...

— Ты же сам его дразнишь, — сказал Раевский.

— А что же мне делать? — жалобно сказал Пушкин. — У меня ведь другого оружия нет.

— Он тебя высечет... Этим и кончится...

— А я ему дурака крикну...

— А он тебя сошлет...

— А я ему и оттуда дурака!.. Что же делать? Шутом быть? Нет, увольте...

— ...Слово «свобода» лишает вас покоя, — сказал Пушкин Гурьеву сухо. — Свободолюбие, свободомыслие... А вы к покою привыкли...

Завтрак у Воронцова подходил к концу. Все сидели за большим овальным столом.

Пушкин посмотрел на графиню. Она подняла глаза от чашки. Он тут же равнодушно отвернулся. Но пальцы... Пальцы лихорадочно скатывали хлебный шарик.

— Вы слишком строги к нам, — улыбнулся Воронцов Пушкину, как мальчишке. — Свобода — прекрасный сосуд, и испить из него — это счастье...

Пушкин снова взглянул на графиню. Она словно ждала ответа...

— Большое счастье, — с трудом проговорил Гурьев. — В Лейпциге...

Александр Сергеич сказал Воронцову, игнорируя Гурьева:

— Однако, ваше сиятельство, не все торопятся поднести этот сосуд своим поданным...

Елизавета Ксаверьевна нахмурилась. Раевский усмехнулся.

— Да, свобода — это прекрасный сосуд... — повторил граф.

— Я говорю, что не все торопятся поднести его своим... рабам, — сказал Пушкин с вызовом.

За столом стало тихо.

— ...И испить из него большое счастье, — с расстановкой произнес Воронцов.

Бес обуял Александра Сергеича:

— А я не хочу пить в одиночку.

— Не вскакивайте, — шепнул Пушкину Казначеев. — Его сиятельство еще ведь не встал.

— Его сиятельство преобразает этот дотоле пустынный край, — сказал неожиданно Брунов и довольно резко.

Александр Сергеич словно бы и не услышал. Он смотрел на Елизавету Ксаверьевну. Она слегка отворотилась с прелестной своей улыбкой, неизвестно кому предназначенной.

— Вот именно, — сказал Марини. — Созидать всегда труднее, чем ниспровергать...

— Да, кстати, — сказал Воронцов очень радушно. — Этот ваш любимец, Байрон... он ведь тоже... и вот ирония судьбы! Сколько грома, молний... и так умереть... где-то...

Княгиня Вяземская о чем-то горячо говорила Воронцовой. Та качала прелестной головкой: «Нет, нет, нет...» Вдруг она быстро посмотрела на Пушкина. Он поймал ее взгляд.

— Поэты не умирают, ваше сиятельство, — сказал он. — Это чиновники умирают...

— Чиновники? — дружелюбно засмеялся Воронцов. — Да, они умирают... Но ордена их остаются... На груди земли...

Шумок одобрения вспыхнул над столом.

— Но ведь то, что на груди, — сказал Александр Сергеич торопливо, — не дороже того, что в сердце... а, ваше сиятельство?..

— Я думаю, господа, — сказал Воронцов, вставая и продолжая улыбаться, — что эта интересная тема несколько тяжеловата для десерта...

Он посмотрел на Пушкина. Александр Сергеич смотрел на графиню. Графиня — на Александра Сергеича. Воронцов нахмурился.

...Все сгруппировались на веранде. Александр Сергеич стоял несколько в стороне и грыз ноготь на мизинце, старался ни на кого не смотреть.

— Я удивляюсь терпению его сиятельства, — сказал Брунов Гурьеву. — Этот кандидат в Байроны позволяет себе...

Гурьев поморщился:

— Смотрите, при нем не скажите. Александр Сергеич может как бешеный стать.

— Он забывается, — сказал Брунов, не сдерживая раздражения. — Можно подумать, что он не в ссылке, а в гостях...

— Боюсь, придется мне дуэль вашу предотвращать, — не то в шутку, не то всерьез сказал Гурьев. — Хлопоты... Он ведь стреляет, как разбойник!

— А ведь его можно и проучить, а? — шепнул Брунов. — Его эпитафии — это уже вызов, а?..

— Да будет вам, — лениво отмахнулся Гурьев. И вдруг весь налился: — И что это на него находит!.. Писал бы свои вирши, ей-богу!

Елизавета Ксаверьевна посмотрела на Пушкина, но он стоял отвернувшись. Она пожала плечами. Что-то шепнула Вяземской. Та махнула рукой неопределенно.

Вдруг невесть откуда вынырнул длинноногий и изысканный Марини.

— Ваше сиятельство, — сказал он Воронцовой, — их сиятельство (кивок на Воронцова, разговаривающего с Вигелем и Казначеевым) меня осчастливили...

— Что? — обернулся Воронцов.

— Я касательно ордена, — улыбнулся Марини.

— Да, да, — несколько рассеянно сказал граф, как бы отмахиваясь. И Казначееву с Бруновым: — Я думаю, следует отменить поездку Александра Сергеича. (Казначеев удивился, Брунов кивнул удовлетворительно.) Он слишком возбужден... Не наделал бы глупостей...

— А как вам пришелся медальон? — спросил Марини у графини.

— О, — сказала Воронцова раздраженно, — прелесть!

— Да, да, — сказал граф, подходя.

— Ваше сиятельство, — и Марини вдруг протянул ему гербовый лист.

— Что такое? — нахмурился Воронцов.

— Вы можете позабыть, ваше сиятельство, а я приготовил представление к награде, чтобы если вы вдруг сочтете... — сказал Марини полушутя, все так же улыбаясь.

— Да что вы, сударь, — в тон ему ответил Воронцов. — Здесь?.. Здесь не место для этого... Нет, нет... — и повернулся к Пушкину: — А я прочел ваш... эээ... «Бахчисарайский фонтан»... Очень мило. (Сказал ласково, по-отечески.) Несколько поверхностно, но мило. (Александр Сергеич поклонился.) Вы делаете успехи.

Елизавета Ксаверьевна готова была заплакать.

— Эта поэма, ваше сиятельство, — сказал Казначеев безнадежно, — сделала Александра Сергеича еще более известным нашим поэтом...

— Еще более известным в узких кругах, — пошутил граф. — Не обольщайтесь, Александр Сергеич, признанием друзей... — Он вдруг осекся. Пушкин так смотрел на него, что продолжать было невозможно.

— ...Это оскорбительнее, чем оплеуха, — сказал Пушкин Вере Федоровне. — Так пользоваться безвыходностью!

Они стояли над обрывом у моря. Накрапывал дождь. Экипаж маячил невдалеке.

— Все кончено, — сказал Александр Сергеич. — Я должен сгнить здесь... Все как сговорились. Отец холоден, как зима. Граф вцепился в мою глотку и не выпускает... Скука, дождь... Сапоги вон рваные — денег нет... За «Цыган» я получил гроши... Где они? — Он ткнул в сторону моря. — А оно как насмешка!.. Близок локоть, да не укусишь... — и вдруг улыбнулся таинственно: — А если удрать? Туда... Сесть на корабль и удрать?..

— Вы сошли с ума, — сказала она со страхом.

Он вдруг расхохотался.

— Вы меня за безумца сочли?

Она обрадовалась, что хандра оставила его.

— А вы смогли бы до того вон паруса доплыть? — спросил он просто. — А я смог бы... — И вдруг потускнел снова: — Ах, княгиня, уж если что мне в голову пришло и уж если обстоятельства меня вынуждают, я не успокоюсь ведь...

— Я знаю, — тихо сказала она. — Возьмите себя в руки.

— Невыразимо мне свобода нужна! — сказал он. — Вы этого все не понимаете. (Она посмотрела на него с укором.) Вы думаете, можно приспособиться... Нет,

душа моя, не можно, не можно!.. Я плесенью покрываться стал... Завтра меня в солдаты отдадут, шомполами забьют, дегтем вымажут... Им все можно!

— Но ведь они тоже живут по законам общества. Им тоже не все позволено...

— Душа моя!.. Да что за законы-то!.. — и вдруг спросил сурово и грустно: — Вы будете вспоминать меня?

Она всплеснула руками.

— Я, пожалуй, к морю спущусь, — сказал он просто.

Экипаж медленно удалялся. Пушкин стоял у самой воды. Море было серым и спокойным. Дождь прекратился.

Вдруг в глубине его возникло расплывчатое изображение Петербурга. Александр Сергеич вглядывался в него с тоской, замерев. Глухая барабанная дробь возникла в сознании. Изображение Северной Пальмиры заколебалось и исчезло. Пушкин взмахнул палкой. Черный воровской бриг летел к берегу. На нем никого не было.

— Эгей! — крикнул Александр Сергеич. — Эй!

Бриг подлетел к самому почти берегу и растаял. Барабанная дробь все звучала. Снова пошел мелкий дождь.

— Деньги, деньги! — кричал Александр Сергеич.

Ассигнации разного достоинства летали по комнате. Он хватал их и подбрасывал, хватал и подбрасывал.

А Никита ползал по полу, собирая их, хватал на лету... Они увертывались, не давались в руки, махали мятыми крылышками. Их тоже охватило буйство.

— Деньги! — кричал Пушкин и смеялся. — Смотрите, господин Козлов, деньги... Пусть батюшка теперь храбрится!.. Это за пот мой и кровь... Это мне за мои мучения!.. Это, чтобы милостыню не просил...

— Да ну вас, — прохрипел с полу Никита.

— Ай да Пушкин!.. Ай да сукин сын!..

Александр Сергеич угомонился вдруг. Принялся считать. Отсчитал порядочную пачку...

— Раздайте, господин Козлов, всем заимодавцам... За книги, за пистолеты, за сапоги...

Он выхватил из оставшихся ассигнаций еще пачку, подбежал к окну, высунулся. Внизу подремывали извозчики на козлах...

Александр Сергеич сунул деньги Никите, указал в окно. Никита мигом сооразил.

Александр Сергеевич видел в окно, как он обходил извозчиков и раздавал деньги. И Береза с умилением глядел на окно и кивал головой и что-то говорил. А Александр Сергеевич пригрозил ему пальцем и рассмеялся: то-то, мол, а ты не верил...

Он пересчитал оставшиеся деньги. Разделил их пополам. Сказал Никите:

— Друзьям своим я был должен, господин Козлов?.. — и потряс одной половиной. — Теперь не буду...

Маленькая тощая пачка лежала на столе.

— А это, — сказал тихо, — угостим наших друзей... Вот так.

— Эко денег, — удивился Никита.

— А ты что думал? — засмеялся Александр Сергеевич удовлетворенно... — Теперь ведь я их всех могу послать к чертям... И это за «Бахчисарайский фонтан», — сказал самому себе. — То ли еще за «Онегина» получу... — И засмеялся: — Жаль, за эпиграммы не платят.

Никита повертел в руках остатки.

— Один пшик остался...

— А это не твое дело, — сказал Пушкин без энтузиазма.

Высокая сухопарая гувернантка вела за руку маленькую девочку в голубом платье. Они проходили по Дерibasовской мимо ограды лицея.

Над оградой показалась фигура лицеиста. Он высунулся по грудь и разглядывал улицу.

Девочка посмотрела на него. Лицеист скорчил преуморительную рожу. Девочка приостановилась и засмеялась. Гувернантка подняла голову. Лицеист снял фуражку, церемонно раскланялся. Гувернантка рассмеялась неожиданно.

Они прошли мимо. Девочка несколько раз оборачивалась.

— Вот прошли две дамы, — сказал лицеист, полуобернувшись к лицейскому саду. — Весьма...

Никто ему не ответил. Лицеист пожал плечами. Вдруг лицо его поглупело, вытянулось.

— Господа, — крикнул он хрипло. — Пушкин идет!

Пять физиономий одна за другой всплыли над оградой.

Александр Сергеевич размашисто шел по улице. Настроение у него было хорошее. Палка легко взлетала в руке.

Они проводили его глазами, пока он не скрылся, потом, как по команде, соскочили на траву сада и превратились в зверят, и стали кувыркаться, гримасничать и кричать друг другу: «Полу-милорд!.. Полу-невежда!.. Полу-подлец!..»

— «...Полу-подлец...» — продолжала Елизавета Ксаверьевна, — «полу-купец...» — читала она, цепеня... — Нет, это не на вас, — сказала она тихо, не глядя на графа... — Это вообще...

Михаил Семенович стоял у окна, спиной к жене. Он молчал. Черный его силуэт был неподвижен.

— Наверное, мне не стоит быть нынче у Казначеевых... — сказала она.

Он не ответил. Стоял все так же неподвижно.

В небольшом зале у Казначеевых звучала музыка.

Маленький оркестрик старался из последних сил, и капельмейстер походил на умирающую птицу, бьющуюся в конвульсиях.

В маленькой полутемной гостиной за картами сидели четверо: Пушкин, Брунов, Собаньский, Гурьев.

— Не идет игра, вот черт! — сказал Александр Сергеич и бросил карты. Большой старинный перстень тускло вспыхнул у него на пальце.

Все посмотрели на Александра Сергеича.

— Да вы уж доиграйте, — попросил Гурьев.

— Не могу, — Пушкин встал. — Не идет... — он посмотрел на Брунова. Тот сидел с вытянутым оскорбленным лицом. Вдруг Александр Сергеич весь напрягся, посмотрел в темноту вверх Брунова и низко поклонился на дверь:

— Добрый вечер, ваше сиятельство.

И тогда стремительно взвился в своем кресле Брунов и резко повернулся и поклонился низко-низко. И услышал идиотский смех Собаньского. Он поднял голову. Кланяться было некому.

— Как это понимать? — оскорбленно спросил Брунов у Пушкина.

— Обознался, — сказал Александр Сергеич, не улыбаясь. — Обознался... А вам это зачтется...

И он пошел в зал.

— Что с ним? — сказал Гурьев.

— Истерика, — засмеялся Собаньский, поигрывая картами.

— Он все-таки слишком дурно воспитан, — сказал Брунов, утирая лоб платочком.

...Раевский сказал Туманскому:

— Наш сумасшедший пиит уговорил княгиню Вяземскую содействовать ему в побеге.

Он сказал об этом просто, как о воскресной прогулке.

— Тише вы, Бога ради, — взмолился Туманский, — это фантазии...

— ...И она не смогла ему отказать... Она любит его материнской любовью, — Раевский рассмеялся.

— Вы бы поговорили с ним, Александр Николаевич... Вдруг он и в самом деле... — сказал Туманский с ужасом.

— А мне ничего неизвестно, — снова засмеялся Раевский. — И потом, это бесполезно... Разве вы не знаете? — и совсем равнодушно: — А может быть, так надо?.. Кто знает?..

Они увидели Александра Сергеича, пробиравшегося по залу. Он, очевидно, кого-то искал. Досада была на его лице.

Леночка Бларамберг со страхом следила за ним.

Пушкин присел на диван. Взгляд его блуждал по залу, по гостям. Большинство не обращали на него внимания. Но тут же какая-то дама не первой молодости под села к нему и, грациозно, как ей казалось, прикрывшись веером, сказала:

— Александр Сергеич, душенька, вы бы прочли нам каламбурчик, пожалуйста!.. Ну хоть строчку...

— Помилуйте, — сказал Пушкин брезгливо. — Вы ошиблись... Какой я поэт...

— Да вы же пишете, — погрозила она пальцем.

— Пищу, — сказал он, — батюшке письма, чтобы денег прислал...

Она захохотала. Он посмотрел на нее с досадой:

— А вам ведь не смешно...

Она умолкла и сидела, не закрыв рта.

Леночка видела, как дама захохотала, потом смолкла.

Пушкин встал и снова пошел по залу. И опять словно кого-то искал, высматривал...

Леночка следила за ним с болью. Вдруг ей показалось, что он направился к ней. Она вся сжалась, но он и не взглянул на нее, остановился возле Раевского, повернулся к нему спиной, стоял и грыз ноготь.

В зале началось движение. Все группировались вокруг Туманского. Он читал стихи, но Леночке не было слышно слов. Потом все зааплодировали, и сияющий Туманский пошел к Александру Сергеичу.

— Им понравилось, — сказал он довольный. — Я думал, что неудача, а нет... Это то, что я вам читал...

— А графиня разве не обещала быть? — спросил Пушкин.

— Нет, — сказал Туманский обиженно. — Что это вы такой сегодня?

— И Вяземской не видно, — сказал Пушкин.

Опять заиграл оркестр. Танцующие казались Александру Сергеичу куклами. И Туманский проплыл в паре с кем-то, и счастливая улыбка блуждала на его лице.

Марини подошел к Александру Сергеичу. Леночка видела, как неохотно отвечает Пушкин. Вдруг перед ней расщелкался каблуками офицер, но она печально покачала головой, и офицер, поклонившись, исчез в толпе гостей.

— ...А разве поэту повредит орден? Ну хотя бы такой? — улыбнулся Марини.

— Орден-то не повредит... железка, — сказал Александр Сергеич. — А вот милость дающего... Да не дай Бог!.. — и помолчал: — А вы попросите у графа, попросите...

— Я и то, — удивленно сказал Марини, — я его уже почти склонил...

— Что это? — вдруг встрепенулся Александр Сергеич. — Никак, карета остановилась?

Марини прислушался.

— Что вы, — сказал он с недоумением. — Никого и нет...

И вдруг Леночка увидела, как Пушкин встал и решительно направился в ее сторону. Она заметалась, прижалась к стене, вытянула руки, словно защищаясь.

— Леночка, — сказал он тихо. — Я прочел ваше письмо.

— Нет, нет, — крикнула она едва слышно.

— Не отпирайтесь... Ваша искренность безгранична... Но я не тот человек, Леночка, которому вы могли бы довериться...

Она не скрывала слез.

— Все равно, — сказала она.

— О, со мною никто еще не говорил так возвышенно, как это сделали вы... Но остерегайтесь... Я привыкну и тотчас разлюблю. Вы ангел... Вы заслуживаете лучшей участи... Но у меня иной путь... теперь... дальний...

— Все равно, — сказала она, глотая слезы.
— Вы слышите меня? — спросил он участливо.
— Все равно, — вздохнула она, отвернувшись.

Он медленно, на носках, пошел прочь. Оглянулся. Она стояла лицом к окну. За окном была ночь.

В зале прилежно танцевали. Александр Сергеич оглядел танцующих и вдруг вздрогнул. Вместо танцевальной музыки ему послышалась медленная глухая барабанная дробь. Капельмейстер взмахивал руками в такт ей. И все в зале маршировали под нее: дамы, нелепо подобрав платья, мужчины по-солдатски.

Вокруг Пушкина деревянно перемещались фигуры со знакомыми лицами. Он засмеялся злорадно. Видение исчезло.

В закускойной у стола толпились гости.

— Всех, всех, — сказал Казначеев Брунову. — Саранча может распространиться ужасно... Всех следует послать по уездам...

— Какая галиматья! — шепотом ответил Брунов.

— Не скажите, батюшка... — Казначеев засмеялся. — И потом, его сиятельство хочет иметь в руках факты послушания и деятельности... для наград, голубчик...

— В этом что-то есть, — засмеялся Брунов.

Гурьев подмигнул им и приложился к бокалу.

— Как все-таки все хорошо! — сказал он, отдуваясь. — И это вино, и музыка... Господи Боже мой... А вот идет Александр Сергеич, который по молодости лет этого не ценит...

Пушкин подошел к столу. Он слышал сказанное Гурьевым, но отвечать не хотелось...

Через стол перед ним — Амалия Ризнич выговаривала что-то Собаньскому. Увидев его, она демонстративно отвернулась. Собаньский посмотрел на него победителем. Пушкин усмехнулся. Проглотил устрицу, сказал громко, чтобы слышала Амалия:

— Ах, хороша была! Должно быть, барышня... А ну-ка эту... — и проглотил вторую. — Какая упругая... Кокетка!.. — и запил вином. И снова глотая: — А эта — замужня дама... Еле проглотил... Однако, вкусно...

Амалия пожала плечом и пошла из закускойной. Собаньский отправился следом.

— Эх вы не великодушны с дамой... — запыхтел Гурьев над ухом. Пушкин глянул на него — у Гурьева было непроницаемое лицо. — А как вам понравились стихи господина Туманского? — вдруг спросил он.

— Это удивительно! — скривился Пушкин. — И какая легкость... Счастливчик Туманский...

— А вы бы показали свои стихи графу... Он человек просвещенный. Его покровительство откроет двери...

— Двери я открою сам, но совсем в другую комнату, — резко сказал Александр Сергеич и снова отпил из бокала...

— Ах, как это напрасно так говорить, — осудил Гурьев с опаской. — Мы вас так любим... Ну что это вы?

Пушкин привстал на носки и спросил шепотом:

— А когда меня вешать поведут, вы заступитесь за меня?

И быстро пошел прочь. Прошел в зал бесцельно.

Раевский остановил его.

— Прилежаев схвачен, — сообщил он. — Высочайшее повеление...

Пушкин ничего не сказал. Он прикрыл глаза и прислонился к стене. Мимо скакали в мазурке.

— Я не спрашиваю за что, я догадываюсь, — наконец выговорил он, все не открывая глаз. — Этому нет названия... Для меня все кончено. Я даже этой участи недостойн...

— Вздор какой, — возмутился Раевский. — Он разжалован в солдаты... Его должны отправить в столицу... Что-то нелепое есть во всем этом, ты не находишь?.. — он помолчал. — Общество на той неделе отправляется на яхте графа в море. Может быть, это будет интересно...

Александр Сергеич приоткрыл глаза и вдруг увидел, как через зал к нему идет Вера Федоровна.

Он ринулся к ней навстречу.

— Наконец-то!

Раевский пожал плечами, наблюдая, как они торопливо устроились в креслах в самом дальнем углу и зашептались.

— Александр, Бог проклянет меня, — сказала она. — Но я уж не в силах вам сказать. Я, кажется, договорилась с одним корсаром... Грязный тип...

Александр Сергеич приложил руку к сердцу. Глаза его загорелись.

— Он заломил сумасшедшую цену! — сказала она шепотом. — Наш общий друг обещал дать нужную сумму... Вы слышите?

— Наш общий друг, — сказал Пушкин едва слышно, — заслуживает всякого счастья... Когда вы с ней говорили?

— Вы увидите с ней на яхте... — сказала Вяземская. — Но я все-таки не одобряю вашего замысла, не одобряю, вы слышите?

— Княгиня, голубушка, — сказал Александр Сергеич, словно это он старший, — зато там... мне не придется чувствовать себя холопом. И вы будете, будете за меня радоваться... Сил больше нет... Больше нет.

Граф Михаил Семенович, без сюртука, торопливо писал, неудобно склонившись над ломберным столиком.

«...Избавьте меня от этого человека, — звучал его голос. — Наши отношения доведены до крайности... Одесса — не совсем удобное место для подобных экспериментов. Он неисправим... Я сделал все, что мог, как человек и как правитель края...»

Елизавета Ксаверьевна, уже в постели, держала на коленях шкатулку. Она погружала в нее руку, выпрастывала ее, и гилянды ожерелий, подвесок, переливающихся и звонких, тянулись за рукой... Это была игра. Без слов. Она извлекла из шкатулки перстень. Старинный. С круглым камнем. Поднесла его к свече. Камень тускло вспыхнул. Она быстро взглянула на графа. Он писал, не разгибаясь. Она положила перстень на одеяло, любовалась им. Потом захлопнула шкатулку. А перстень положила в ящичек спальной тумбочки. Посмотрела на графа. Он писал. Она погасила свою свечу. Граф поднял голову. Улыбнулся ей устало. Она натянула одеяло до подбородка...

— Меня посылают бороться с саранчой, — сказал Александр Сергеич совсем спокойно. — Я не понимаю смысла этой затеи, — он сказал это так спокойно, с такой легкой грустной усмешкой, что даже сам удивился, как это он может держать себя в руках. — Должен ли я воспринимать это всерьез?

Казначеев мял в пальцах бумажку. Собирался с духом.

— Александр Сергеич, голубчик, — сказал, умоляюще сложив руки, — граф надеется отличить вас, к ордену представить... Он хочет вам добра...

— Но саранча-то при чем? — засмеялся Пушкин. — К ордену?! — вдруг дошло до него. — А при чем саранча?..

— Так ведь нужно основание для представления, — вмешался Казначеев. Ему трудно было говорить.

— Безумие, — сказал Пушкин еще спокойнее... — Наградите меня за стихи, — и резко рассмеялся. — Граф унижить меня решил?..

— Господь с вами...

— Я не прощаю подобных насмешек, — сказал Александр Сергеич. — Граф злоупотребляет моей безвыходностью...

Казначеев замахал на него руками.

— Я этого ничего не слыхал, — сказал он тревожно.

Рассыпалась и смолкла дробь.

Возок захлебывался в густой дорожной пыли. Александр Сергеич поминутно отряхивался. Вокруг замерла сухая степь. Был май, но свежей травы почти не было видно. Старая, выдавшая виды лошадка тянулась из последних сил. Кучер дремал. Жаворонки перекликались.

— Грех гонителям моим... — сказал Пушкин устало.

...Уже были поздние сумерки, когда возок остановился в степном селении, у постоялого двора.

— Распрягай, — сказал Александр Сергеич, — и мягко спрыгнул в пыль. — Заночуем... Спешить некуда.

Он огляделся. С возвышенности, где был расположен постоялый двор, виднелась тусклая полоска реки. Захотелось освежиться.

— Я в реку, — сказал Пушкин, — не поминай лихом...

И пошел.

— Господь с вами, — сказал кучер. — Куда, на ночь-то глядя?

...Стало совсем темно. Пушкин пробирался почти на ощупь через кусты, изгороди... Мелькал его неясный силуэт, похожий на сказочного зверя. Он шел напролом и бубнил:

— Отличить!.. Ах, отличить?.. А чтобы отличить, надо заточить? Какая честь, подумать только!.. А вы, мои друзья, где же вы?.. Откликнитесь... Мне оказываются царские почести. И все-таки я готов променять их на радость свидания с вами... Где же вы? Где же вы?

— Стой! — послышалось во тьме. — Кто идет?

— А, черт! — сказал Александр Сергеич, споткнувшись, и продолжил по-французски: — Какого черта от меня хотят?! Кто?.. Что? Чего? Это я! Дайте, наконец, покоя!.. Я не обязан отчитываться перед всеми...

— Прошу прощения, — ответил голос по-французски. — Здесь расположены войска...

Наступила пауза. Затрещали ветки. Чья-то тень качнулась навстречу.

— Прапорщик Щеглов, — сказал голос. — С кем имею честь, позвольте?

— Пушкин...

— Как Пушкин?.. — удивился прапорщик. — Что это вы — Пушкин?.. Какой Пушкин?.. Александр Сергеевич? — добавил он тихо.

— Он, — сказал Пушкин.

— Позвольте, — сказал прапорщик, — да откуда же этому... Да как же так?..

— Отчего ж и не быть? — засмеялся Александр Сергеевич. — Послушайте, окажите мне любезность, проводите до реки... Я с дороги... Весь в пыли...

— Позвольте, позвольте... — захлебываясь, проговорил прапорщик и ринулся сквозь кусты куда-то прочь. — Минуточку, минуточку!..

— Братцы! — закричал он. — Господаааааа!

Потом стало тихо.

Вдруг неподалеку ахнула пушка, за ней — вторая, третья...

...Встреча затянулась. В большой бивачной палатке трубочный дым ходил волнами. Бутылка с вином, как часовой, вытянулась на шатком столике. Пили кто из чего. Офицеров набилось человек пятнадцать. Александр Сергеевич без сюртука, в рубашке с распахнутым воротом, сидел на почетном месте, на седле.

— И понесло же меня караулы проверять! — в который уже раз с восторгом проговорил прапорщик Щеглов.

— Ну, батюшка, — сказал Пушкину немолодой майор, — выпейте винца еще... Вы нам праздник устроили...

— А Прилежаев все так и сидит в каталажке? — спросил Щеглов.

Пушкин кивнул.

— Не понимаю я этого, — сказал Щеглов. — Разжаловать в солдаты дворянина?

Все стали вдруг громко разговаривать. Тени заметались, как безумные...

— Какая ужасная месь, — крикнул молоденький прапорщик. — Послать на саранчу!.. — он поймал комара и засмеялся: — А вот мы ему саранчу! Верно, Александр Сергеевич?

— Я знал Прилежаева, — раздалось из темного угла. Офицеры раздвинулись. Высокий капитан поднялся со своего места. Был он красив, угрюм, двигался резко. — Он был мужественный человек... Он знал, на что шел. Кто-то из своих предал его. Это уж точно. Каналья!.. — И он оглядел всех присутствующих, словно искал среди них предателя.

Прапорщик снова поймал комара:

— А вот мы вашему графу саранчу!
Все засмеялись невесело.
— Да пейте вы, батюшка, — ласково сказал майор Пушкину и строго остальным: — Пейте, черти, в честь гостя!
— Ура! — крикнул кто-то.
В распахнутую дверь вплывал рассвет.
— Ну надо же, — сказал кто-то. — Такого поэта да на саранчу!.. Александр Сергеич, вы бы прочли нам чего-нибудь... Счастье-то какое...
И сразу все стихло. Пушкин замотал головой.

Лемносский бог тебя сковал... —

раздалось в тишине. Все снова обернулись в угол. Красивый капитан читал «Кинжал». Лицо его исказилось, стало страшным. Каждое слово он произносил с неистовством и неприкрытым смыслом. Все замерли. У Александра Сергеича слеза бежала по щеке.

...Возок тащился по степи. Лошадка пыталась даже бежать, но тут же переходила на ковыляние.

Вдруг за спиной своей Александр Сергеич услышал приближающуюся дружную дробь лошадиных копыт.

Он обернулся. Такой же, как у него, возок, но запряженный парой сильных рысаков, стремительно приближался. Пыль летела клубами из-под копыт коней.

Александр Сергеич даже привстал от любопытства и вдруг обмер: в приближавшемся возке, меж двумя жандармами, в солдатской шинели, наброшенной на плечи, в фуражке солдатской, сидел Прилежаев, бледный как смерть. Он вдруг поднял голову. Взгляды их встретились.

— Гони! — крикнул Александр Сергеич.

Кучер испуганно стегнул лошаденку. Она взбрыкнула и пошла рысью. Возки поравнялись. Жандармы напряглись. Прилежаев попытался встать, но ему не дали.

— Гони! Гони! — кричал Пушкин.

Жандарм погрозил ему пальцем.

Лошаденка оборвала рысь.

Прилежаев нашел в себе силы кивнуть Пушкину и улыбнуться, и его возок пронесся мимо.

Жандарм обернулся и поглядел на Пушкина. Александр Сергеич погрозил ему палкой.

— Поворачивай, — задыхаясь, приказал кучеру. — Обрато поедем!.. В Одесу... Хватит саранчи...

Лошаденка медленно завернула и заковыляла к Одессе.

Он шагал по улицам Одессы. Весь город казался вымершим. Лишь изредка попадающиеся навстречу люди, казалось, крались вдоль домов. Чиновник просеменил, согнувшись в три погибели, старуха прошаркала шлепанцами, снова чиновник... И все смотрят мимо.

Александр Сергеич повернулся, пошел обратно. И снова чиновник, разносчик овощей... Мимо, мимо...

Вдруг он явственно увидел северный пейзаж, поляна, окруженная елями... Онегин с пистолетом шагнул вперед. Выстрелил, слегка поморщившись... Кто-то упал, закутанный в черный плащ... Лежал, неудобно скрючившись. Незнакомое лицо, совсем юное... Онегин бросил пистолет, пожал плечами. Александр Сергеич снова присмотрелся к лежащему. Ба, да ведь это он сам... И не на поляне, а на прибрежной гальке... Одна рука в волне... А Онегин уходит. Не Онегин. Раевский... Вдруг он увидел опять себя, но стоящего с пистолетом. Выстрел. И он упал. И снова ходил вокруг себя самого, лежащего в нелепой позе.

Вдруг из-за поворота выкатился Букин и столкнулся с Александром Сергеичем. И оторопел.

— Ну что? — спросил Пушкин, наслаждаясь замешательством жандарма.

— Что?

— Не устали вы, сударь, по пятам за мной ходить?

— Да что вы, Александр Сергеич, — заторопился Букин, — я навстречу шел...

Пушкин покачал головой.

— Стреляться с вами? Стыдно. Засмеют. Вы же мразь. С вами стреляться — позор... Может, палкой огреть?

— Как можно, господин Пушкин... — Букин откачнулся на всякий случай.

Александр Сергеич опустил палку.

— Нет, не буду. Палку потом не отмыть...

Букин хохотнул облегченно.

— Да и что толку убивать? — сказал Пушкин. — Другого найдут еще похуже, а?

— Найдут-с, — согласился Букин. — А как же-с...

Александр Сергеич пошел мимо него, словно Букина и не было. Жандарм постоял немного, потом, вздохнув, нехотя отправился следом.

Александр Сергеич зашел в губернскую канцелярию. Чиновники отворачивались. Он вышел на улицу. Навстречу шел Раевский.

— Как я рад тебя видеть! — сказал Пушкин со слезами на глазах. — Город словно вымер...

— Я слышал, ты бежать собрался? — спросил Раевский с участием. — Печально, печально... Ну что ж, прощай... — Он наклонился к Пушкину и продолжал доверительно и воодушевленно: — Здесь скука... глупость... Поеду и я, пожалуй... Может, в Петербурге развеюсь...

Экипаж остановился над морем. Спустились сумерки. Был он прекрасен. Не чета многим. Две лошади, серые в яблоках, били копытами.

Вера Федоровна торопливо выбралась из него и глянула с обрыва. Маленькая фигурка Пушкина топталась возле самого приboя. Палка нетерпеливо расшвыривала гальку.

Вяземская устремилась вниз по тропинке. Сверху было видно, как она ступила на прибрежные камни. Пушкин бросился ей навстречу.

— Завтра, — сказала она, задыхаясь. — Завтра... Муж мне этого не простит... Но что я могу?

— Если он вдруг мне... — начал было Александр Сергеич, но она перебила его:

— Вас схватят! Это ужасно...

— Но вы же видите мое положение! — сказал он с отчаянием. — Я больше не принадлежу себе самому... Завтра. Он будет ждать меня, этот ваш капитанишка?

— Да, да... Завтра... — она увидела перстень на его руке, увидела его глаза... — Больше мы не увидимся...

— Я знаю, — сказал он.

— Завтра все общество отправляется...

— Я знаю, — сказал он.

— Вас не пригласили... Да теперь уж и все равно.

— Я знаю, — сказал он. — Теперь все кончено. Теперь только и остается, что распрощаться с этим постылым берегом!

Вдруг глаза его вспыхнули. Вяземская обернулась. Несколько поодаль от них, прикрыв лицо темной вуалеткой, стояла графиня Елизавета Ксаверьевна.

— Прощайте, — сказала Вяземская. — Ну, прощайте, мой дорогой мальчик... Храни вас Бог.

Она поцеловала его в лоб и пошла по тропинке к экипажу. Александр Сергеич шагнул к Воронцовой. Она повернулась, и они медленно и молча отправились вдоль моря.

Яхта, белая как лебедь, скользила по зеленой воде на виду у Одессы. Все общество на палубе. Было очень солнечно, хотя солнце было еще невысоко.

Елизавета Ксаверьевна стояла рядом с графом. Оба глядели на берег и молчали. Лицо графа было спокойно и прекрасно, и добрые складочки лежали возле глаз, и руки в белых перчатках неподвижно покоились на поручнях.

Вдруг голос Александра Сергеича явственно произнес:

«Полу-милорд... полу-подлец... полу-купец... полу-невежда...»

Лицо графа не изменилось, только глаза слегка сузились...

Елизавета Ксаверьевна смотрела на горизонт... Там шевелился парус, теряясь в дымке...

И в сознании ее возникли голоса. Один — Александра Сергеича, взволнованный и требовательный, другой — ее собственный, слабый и задыхающийся...

— Элиз, едемте со мной... Я буду вашим рабом.

— Рабом вы быть не можете... Это не для вас... Не сможете... Даже моим... Даже после всего...

— Едемте со мной... Едемте со мной...

— Боже, вы в самом деле сумасшедший...

— Едемте со мной... Едемте со мной...

— Опомнитесь... Я же не маркитантка!

— Едемте со мной!..

— Он теперь далеко, — указала на парус Вяземская. — Он тоже в море... Может, это к счастью...

Воронцова кивнула незаметно.

Вокруг Марини громко смеялись. Он чем-то смешил окруживших его дам, что-то рассказывал оживленно.

Пушкин лежал, уткнув лицо в подушку. Плечи его вздрагивали. В комнате был беспорядок: лежали узлы, баулы, большой кожаный портфель Александра Сергеича стоял на полу, прислоненный к ножке стола...

...В прихожей Никита сказал Лексу не очень приветливо:

— Барин не принимает... Они не в себе...

— Пошел прочь, — сказал Лекс сурово. — У меня поручение от его сиятельства. И Никита отступил и распахнул дверь в комнату.

— Александр Сергеич, — позвал Лекс.

Пушкин поднял голову, узнал Лекса, утер слезы, подошел, обнял Михаила Ивановича.

— Ну, будет, будет... Что это вы, как маленький, — сказал Лекс, отворачиваясь.

— Все пропало, Михайло Иванович... Даже турки и те против меня...

Он посмотрел в окно. В квартире поляков окна были забиты.

— Какие турки?

— Морские, Михайло Иваныч... Капитаны... Пройдохи!

— Да не пойму я, — сказал Лекс.

Пушкин махнул рукой.

— А у меня к вам поручение, — сказал Лекс. — От его сиятельства.

— Или мало ему саранчи? — спросил Пушкин зло.

— Надлежит вам к графу Гурьеву явиться, — сказал Лекс, не глядя на Пушкина. — Высочайшее повеление пришло на ваш счет...

Пушкин вскочил, сел, снова вскочил.

— Ага!.. Что ж они, меня в солдаты хотят?!

— А может, вольная вам? — сказал Лекс, глядя в окно.

— Вольная? — Пушкин засмеялся презрительно. — Тогда сам Воронцов поторопился бы сообщить мне сие!.. Нет, Михайло Иваныч, дураков нет!

Пушкин шел по улице быстро. Бил палкой в пыль с неистовством. Лекс с трудом поспевал следом.

— Да ведь я иду с вами, голубчик... Не отказываюсь, не отказываюсь...

— Одному идти туда противно, — сказал Пушкин. — Уж вы меня там подождите, ладно? А то вдруг что-нибудь... Одному противно... Понимаете?

Александр Сергеич потоптался в прихожей Гурьева.

— Может, еще обойдется, — сказал Лекс, не глядя на него. — Увидит меня тут с вами — будет мне по первое число.

Пушкин сказал лакею, возникшему на пороге:

— Ступай, барину доложи.

Лакей был величественен, как лорд английский. И тощ. Ему у заплывшего жиром Гурьева служить — несоответствие. Но словно опровержение этой мысли, губы его причмокивали, как у хозяина.

— Оне-с сейчас занятые, — прочмокал он.

— Иди, иди. Барин знает.

Лакей удалился торжественно.

Пушкин стал метаться по прихожей, словно раненая обезьяна.

— Обойдется, говорите?.. Да уж вот не обойдется... Я чувствую... Держи карман... Здешняя каторга слишком для меня хороша, Михайло Иваныч! Арестантов надо подальше... — и вдруг сник и сказал тихо: — Ах, грустно, Михайло Иваныч... Стар я становлюсь для экзекуций...

— Может, обойдется? — спросил Лекс, испуганно оглядываясь.

Вдруг снова выплыл лакей. Указал рукой на внутреннюю дверь:

— Их сиятельство на кухне-с... Просют туда пожаловать.

Александр Сергеич стремительно шел по коридору. Была не была! В кухне было много солнца. Он даже зажмурился. После предчувствий горьких — вдруг столько солнца, и этот первобытный мир желудка! И окна, распахнутые в сад, в зелень...

Сам граф Гурьев в белом колпаке священнодействовал над чем-то. Огромный белый фартук располагался на его животе без единой складки. Лицо Гурьева было озарено улыбкой первооткрывателя.

Распаренная баба держала перед ним на блюде красиво убранный паштет. Мальчик, словно ординарец, застыл с поставцом в руках. В поставце дремали специи. Гурьев влюбленно прикасался к ним, посыпал ими паштет. Принюхивался... У бабы руки дрожали под блюдом. Мальчик облизывался украдкой.

«Слава Богу! — мелькнуло в голове у Александра Сергеича, — страхи были преувеличены...»

— А я тут крестника крещу, — прочмокал Гурьев с удовольствием. — Простите, голубчик, ради Бога, руки подать не могу.

— Велено мне было к вам явиться, — сказал Александр Сергеич обескураженно.

— Ах, да успеется это... — запыхтел Гурьев, — вы вот лучше мне скажите: отчего это прусские перцы так хороши? Ведь не чета нашим.

Угроза миновала. Стало легко.

— А вы, граф, вольнодумец...

Граф хмыкнул, погрозил пальцем.

— Вы, батенька, ступайте наверх пока... А я сейчас и явлюсь.

— Кажется, и впрямь обойдется, — сказал Пушкин Лексу.

Лекс не ответил. Пушкин взлетел по лестнице.

Гурьев высился в кабинете за громадным своим столом и был похож на гору. Халат еще более усугублял его размеры, фартук, правда, он успел снять. Он переключал бумагу на столе.

— А вы садитесь, садитесь, — сказал он, — разговор нам предстоит долгий...

Александр Сергеевич погрузился в кресло и оттуда, внимательно вглядываясь в градоначальника:

— А кухарка у вас — баба живописная!

Гурьев порывался в бумагах, разложил их как-то там по-своему.

— Так вот, Александр Сергеевич, предписано вам покинуть Одессу... — и вздохнул.

Вдруг все оборвалось.

— Ах, вот как?!.. Значит, все-таки... — оба долго молчали. — Ну что ж, в путь, так в путь, — сказал Пушкин спокойно. — У меня ведь с детства охота к перемене мест... Страсть люблю новые места... А вы?

Гурьев видел, как у него исказилось лицо, как палка запрыгала в руке. Он, как кролик на удава, смотрел на эту палку. Вздохнул снова:

— Да-с... То есть не совсем новые... Предписано вам теперь в имение свое... в Михайловское...

— Что?!

Палка замерла. Гурьев слегка отклонился.

— Это невозможно... Там глушь... Это невозможно... За что же?

— Высочайшее повеление, Александр Сергеевич, — сказал Гурьев. — Царская воля...

Он смотрел на Пушкина настороженно. Слава Богу, не вскочил. Даже улыбается. Это чтобы вы, ваше сиятельство, не рассказывали потом, как ему больно было!

— Ну ладно... К зиме, по первому снежку и тронусь, — сказал Пушкин, крепясь.

Но граф приготовил удар.

— Предписано-то завтра, Александр Сергеевич. Вот.

— То есть как завтра?! — но тут же взял себя в руки. — Они что, с ума посходили?! Я же не успею...

— Успеете, — отпарировал Гурьев. — До утра ведь день целый... А я вам человека могу прислать — чемоданы увязывать, то да се...

— Ну хорошо, — усмехнулся Александр Сергеевич, — а документы?

— А вот они, — и пухлая рука Гурьева протянула бумаги. — Все готово, чтобы не задерживать вас...

— Но ведь не бумагами же расплачиваться мне в дороге, ваше сиятельство... У меня ведь... — и похлопал себя по карманам.

Но Гурьев был опытным дуэлянтом. Он тотчас выложил из ящика на стол небольшую пачку ассигнаций и осторожно стал пододвигать к Пушкину, вместе с листом бумаги.

— А вот они... Вы мне только распишитесь вот тут...

Пушкин медленно понес перо к бумаге. Перо сломалось. Гурьев протянул второе. Подписал. Швырнул перо. Встал. Гурьев слегка отклонился.

Граф Воронцов спустился на нижнюю палубу. Подальше от шума и суеты. Здесь было пустынно и тихо. Слышалось журчание воды за кормой. И вдруг голос Пушкина возник в сознании: «Полу-милорд, полу-купец...»

Незаметно подошел Марини. Воронцов нахмурился, но на поклон ответил.

— Устали, ваше сиятельство?

— Да, несколько...

— Ваше сиятельство... — и Марини, словно волшебник, извлек откуда-то из-за спины белый лист с представлением, — подпишите, ваше сиятельство.

Воронцов растерялся. Он даже не смог скрыть этого.

— Да чем же я тут подпишу? — огляделся беспомощно.

Марини подсунул ему чернильницу и перо.

— Осчастливьте, ваше сиятельство...

— Ну хорошо, хорошо, давайте, — сказал граф устало. Повертел перо в руках: — Да на чем же писать?.. Что это вы, сударь, все выдумываете...

— А вот, ваше сиятельство, — и Марини ловко нагнулся и подставил собственную спину. — Чем не походный столик?

Воронцов рассмеялся, поморщился. Провел пером по бумаге...

С верхней палубы доносилась музыка.

Пушкин сказал Гурьеву:

— Почему это я по своему вкусу жить не должен?

— А потом, Александр Сергеич, милушка, — облегченно пыхтел Гурьев, — что уж больно вы с обществом не считаетесь... Это вам не так, да то не этак... А ведь нельзя-с... Не справитесь...

— Грех гонителям моим, — сказал Пушкин от дверей. — А вы, граф, кстати, не так просты, как хотите казаться... Вы большой ловкач, ваше сиятельство...

Он сбежал по лестнице.

— Скрутили они меня!.. Скрутили!..

В прихожей никого не было.

— Михайло Иваныч! — позвал он. Никто не откликнулся. Он распахнул дверь. Солнце ударило в глаза. Шумел платан.

— Михайло Иваныч!

Перед домом никого не было.

Он двинулся за угол в растерянности. Вдруг перед ним возник Онегин. Такой же, как всегда. Почти реальный.

— Мне чертовски не везет, мсье, — сказал Пушкин. — Я проигрался, представьте... Не продолжить ли?

Онегин глядел без улыбки.

— А какой смысл? — вдруг сказал он, разведя руками, и исчез.

— Э-э, мсье, — засмеялся Пушкин горько, — я не могу иначе...

Возок тащился по пыльному тракту. Александр Сергеич забился в угол и глядел оттуда на дорогу. Навстречу тяжело шагала колонна солдат...

Никита покачивался на баулах и мельком взглядывал на барина: каков он?

Вдруг от колонны отделился офицер и неуклюже кинулся к возку. Он кричал что-то и размахивал руками. Возок остановился. И Александр Сергеич узнал пехотного капитана.

— В дальнюю дорогу? — спросил капитан дрогнувшим голосом. И заторопился вдруг: — Вы, Александр Сергеич, батюшка, на меня не злитесь... И у меня на вас обиды нет... Я ведь в литературе этой не очень... Но друзья-то ваши о вас много весьма лестного говорили... Наверно, думаю, есть резон... Уж если такие люди...

Александр Сергеич взволновался и ничего никак ответить не мог, все пытался, да не мог...

— Господина Прилежаева схватили... Вас гонют бог весть за что... — сказал капитан. — Что же это такое?.. Прощайте, прощайте, — сказал он, пя-тясь. — Даст Бог, свидимся... — и, поворотившись, медленно затрусил догонять колонну.
Началась степь. Зазвенели жаворонки. Возок уменьшался.

*Печатается по машинописи.
Одесская киностудия художественных фильмов.
Одесса, 1966.*